ПУСТОШИ АЛЬТЕРРЫ

5

ФИНАЛ

Пустоши Альтерры

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры. Книга 5

«ИП Головин»
2026

Казанцев А.

Пустоши Альтерры. Книга 5 / А. Казанцев — «ИП Головин», 2026 — (Пустоши Альтерры)

Танк у ворот Вулканиса догорел, и рейд Мрака теперь сам по себе: сорок человек, десять машин, триста вёрст Пустоши до первой точки. Цель одна – станция под камнем, про которую даже Кодекс знает только слово «Лаборатория». За каждый километр придётся заплатить – ради шанса разгадать величайшую тайну Альтерры.

© Казанцев А., 2026
© ИП Головин, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 23
Глава 4 29
Глава 5 40
Глава 6 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Александр Казанцев
Пустоши Альтерры
Финал. Книга 5

Глава 1
Грейвилл

Заря вытащила дорогу из темноты постепенно. Сперва из-под колёс проступила колея, потом обочина с рваными краями, и по всей колонне одна за другой гасли фары. Колонна шла, десять машин держали дистанцию, связь работала рывками, и за спиной оставался Вулканис, ещё близкий по расстоянию и уже чужой по смыслу. Люди выглядели собранными, никто не валился от усталости, руки держали руль уверенно, головы соображали ясно.

Ноктир ждал погони, даже когда разум уже говорил, что её, похоже, не будет. Взгляд сам уходил назад, к серому хвосту дороги, где висела только своя же пыль. Взрыв танка у ворот отрезвил Боевых Крыльев, и у них набралось достаточно причин промедлить и не кидаться в погоню сразу.

Через сорок километров Мрак дал команду на остановку.

Когда моторы затихли, люди спрыгивали на песок, разминали затёкшие спины, оглядывались назад, уже отошедшие от шока неравной битвы.

Один из бойцов выбрался осторожно, придерживая перевязанный бок. В стычке у ворот ему зацепило ребро, и он двигался так, чтобы не дёрнуть лишний раз. Он сел на ящик у борта, переждал, пока отпустит, посмотрел на дорогу впереди, задержался на секунду, примеряя, какой будет эта часть пути.

– На, держи. – Сосед подвинул ему флягу ближе, чтобы не тянулся.

– Да нормально.

– Ага. Ты и у ворот так говорил, пока тебя в кузов закидывали.

– Вулканиса уж не видать, – сказал кто-то дальше по колонне, стоя лицом назад.

– Да и пёс с ним.

– Слышь, а обратно мы этой же дорогой?

– Обратно. – В ответ хмыкнули и повисла тишина.

В командирке Анесса осталась на месте водителя. Руки лежали на рычагах, Грач возился с радаром, берёг сросшуюся левую и работал больше правой; прибор оказался не настроен, экран сыпал рябью вместо отметок. Ноктир следил за его руками, держал в голове маршрут и узел на востоке.

Жилин молча одобрил остановку. Он не спорил – смысл паузы был очевиден даже ему, – и при этом продолжал коситься на Мрака, пытаясь уложить в голове, почему главный именно караванщик.

Сразу проявились мелочи, которые обычно прячет гул: щёлканье остывающего металла, сухой шорох пыли по бортам, дальние крики тварей за линией видимости.

На Барже Илья уже отлип от Стервы. Он постоял рядом с турелью, прошёлся ладонью по кожуху, тронул рукояти, достал короткую трубку, начал забивать табак, аккуратно, без суеты, возвращая рукам нормальный ритм. Бригитта смотрела на остановившуюся колонну и на него. Спросила:

– Чего встали?

Вектор не поднял головы. Он притрамбовал табак большим пальцем, проверил тягу, ответил лениво:

– А прах его знает. Ты лучше скажи – что Пустошь?

Раньше он так не говорил. Бригитту это слегка удивило и зацепило, она задержала на нём взгляд дольше. Знала, что ему это не родное. Он вырос в других местах и прежде смотрел на такие вещи как на привычку рейдеров, а теперь сам протянул к ней эту нитку, решив жить по дороге всерьёз, без скидок.

Дочь Пустоши повела плечами, отстранила лишние мысли, прислушалась к себе. Втянула воздух ноздрями, подержала, отпустила. Она умела это с детства. В их рейдерской жизни такие паузы часто были способом понять, где Пустошь даёт пройти, а где уже ставит заслон. Своих почти не осталось, это случилось раньше, боль уже улеглась в привычку, в короткие провалы тишины, когда вспоминаешь лица и сразу возвращаешься к делу.

Она выдохнула и ответила, выбирая слова осторожно:

– Хм… Она нас привечает.

Тарх отозвался со своего места сразу. Он был старше, за сорок, со шрамами, которые давно перестали быть историей и стали частью лица.

– Не к добру.

Бригитта повернулась к нему. Спросила без нажима:

– Тарх, ты-то чего с нами пошёл?

Он отшутился, как умел, но веселья в этом не появилось. Губы двинулись, а лицо осталось спокойным и внимательным:

– А чего в городе сидеть?

Радиоэфир коротко шипел, иногда отдавал обрывком чужой фразы, снова проваливался. Ветер шёл низом, тащил песок по колеям, сыпал его в открытые двери кабин.

На Барже Илья постоял, посмотрел туда, где была командирка. Бросил Бригитте:

– Встань за Стерву. Я к Мраку.

Бригитта на секунду замерла. Вектор раньше свой пулемёт ей не доверял. Сделалось слегка неловко, шею обдало теплом, но лицо она удержала, подошла к турели, привычно проверила рукояти и сектор, встала так, чтобы видеть дорогу и край стоянки, будто делала это всегда.

Медленно, похрустывая кожаной курткой, что досталась ещё от Бритвы за личные подвиги, Илья двинулся вперёд по колонне. Будь ему до этого дело, он заметил бы, как другие участники рейда отводят взгляд, как чуть расступаются, давая пройти стрелку. В колонне помнили, кто стоял у ворот и вбивал ярость в ствол махины, пока остальные искали укрытие.

Около половины людей шла с ним ещё от Краегора до Вулканиса, и они знали фразу Деда, умершего перед воротами города. Дед говорил, что все они живут в долг за счёт Ильиной работы, и теперь эти слова висели в воздухе долгом.

Когда Илья дошёл до командирского броневика, странного трофейного «Шершня», дверь распахнулась, на песок тяжело ступил Мрак, припадая на правую ногу. Они с Вектором пожали друг другу руки. Обниматься на глазах всего рейда не стали.

– Ну, как ты? – спросил названый старший брат.

– Целый, – ответил Вектор.

– Ловко ты приложил ту жуть на гусеницах. Я уж думал, всё, отъездились.

– Сам не понял. – Вектор криво усмехнулся. – Но вышло.

Илья глянул на дорогу впереди, обратно на караванщика. Спросил:

– Куда и как двигаем?

– Пока не решил. – Мрак помолчал. – Есть два варианта. Через Грейвилл – Ноктир откроет ворота, там пополнимся. Или сразу на восток, к Депо.

– Депо?

– Ага. Нас там Рой зажал после рубки. Километров триста на восток, ущелье и ангар. Сможем передохнуть, поставить передовую базу.

Илья прищурился, примеряя это на их положение.

– Мы же вне закона.

– Ну, после той гусеничной хтони – это уж точно, – хмыкнул Мрак.

– А главный у нас по итогу кто?

– Да прах его знает. – Караванщик поморщился. – Должны были решить вчера, но налёт за жратвой пошёл не по плану, не успели. Пока на меня кивают.

– Большая шишка, – поддел Илья.

– Да гори оно, Вектор. – Мрак отмахнулся. – Ты же меня знаешь. Я молчать люблю и дело делать.

– Это да, – согласился стрелок.

Они постояли рядом с открытой дверью командирки и помолчали, каждый о своём. Лидер стоял чуть боком к строю, чтобы видеть сразу и людей, и горизонт.

– А пойдём Кляпа высушим, – вдруг сказал Илья. – Я нутром чую, это он нас прижал тогда у Грейвилла. Не он бы – глядишь, и не разделили бы нас, гоняли бы рейды себе, сидели б сейчас в тепле в Альдене, а мир спасал бы кто другой.

Мрак чуть качнул головой.

– Ну, не совсем так. Хрен бы кто нашёл Депо без той заварухи. – Он повёл плечом. – Да не суть. Оно тебе надо, Вектор? Оставь ты этот лом с обочины.

– Я к тому, что в Грейвилл всё равно идём. Мы вне закона. Сцепиться придётся.

– Может, и придётся, – не стал спорить караванщик.

– Поспим, захарчимся, а я спокойно боезапас проверю. Стерва жрёт много.

– Ну добро. Давай в Грейвилл. А там как ляжет.

– Ага, – ответил Илья и побрёл обратно к Барже.

Слово «Грейвилл» разошлось по машинам, как команда, и люди перестали держать в голове лишние развилки. Дорога стала одной, а вместе с ней появилась цель.

Связи у форпоста с Вулканисом не было, и это работало на них. Короткое окно, быстрая загрузка, уход на Восток, пока в головах у людей ещё крутится вчерашняя жизнь и они не успели перестроиться.

Параллельно всплыл багги. После взрыва танка его перевернуло, теперь он заводился только со второй попытки и кренил влево. Для обычной дороги это была бы неприятность, для их рейда это становилось риском. В этой колонне лишняя минута на обочине означала лишний шанс, что стая выйдет из кустов или что у кого-то в голове щёлкнет мысль про «а может, повернём назад».

Луис вылез к багги сразу, как встали. Он работал быстро и сухо, без лишних слов. Открыл крышку, проверил крепёж, послушал, как берёт, как сбрасывает, ткнул пальцем в разъём, который гулял от удара. Рядом держали фонарь, кто-то подавал ключи, и шло это спокойно, без суеты.

Когда багги снова дёрнулся и ожил ровнее, Мрак поднял руку, и по колонне покатился грохот, от головной к хвосту. Взметнулась пыль, колонна снова тронулась. Водители держали дистанцию увереннее, стрелки заняли свои места без лишних оглядок, а по эфиру прошли короткие подтверждения.

Вектор снова встал к Стерве, и трубка легла в зубы. После танка дорожная мелочь шла фоном: твари выскакивали редкими пятнами, и Бригитта с Тархом держали края сами, скупо, экономя ленту. Стерву Илья на это не тратил – берёг для того перелома, когда всё начинает сыпаться.

Впереди показались ворота форпоста, и он поймал лёгкое волнение, хотя руки держали рукояти привычно. Мрак гонялся здесь с Кляпом, и та тварь, судя по слухам, села в засаду, крепко зацепила караванщика. Тогда Илья ещё был тем парнем, который слишком много думал в ту секунду, когда надо просто делать.

Когда створки разошлись и Баржа вошла внутрь, он увидел Кляпа сразу. Те же сальные волосы и грязная ухмылка, только вид стал более осунувшийся. Власть у Кляпа, похоже, просела после той засады, где Илья выкосил из мелкого пулемёта половину его своры, и теперь улыбка держалась на лице по привычке.

Кляп тоже узнал его. Он стоял чуть в стороне от воротной суеты и смотрел прямо, без удивления, словно считал, что Вектор обязан был рано или поздно снова попасться ему на глаза. Кляп медленно потянулся к кобуре на поясе.

Илья чуть качнул в его сторону Стерву. Движение получилось коротким, почти ленивым, и именно поэтому оно прозвучало весомо. Он просто обозначил этим, что расстояние здесь играет против того, кто первым решит достать железо. Рука Кляпа так и застыла на половине пути, повиснув в воздухе.

Стрелок нащупал рацию в кармане куртки, вышел на командирский канал.

– Мрак, это Вектор. Кляп здесь. Меня срисовал.

Ответ пришёл быстро.

– Принято. Не цепляй эту падаль. Попробуем уйти быстро.

Илья убрал рацию, не меняя выражения лица. Он коротко указал Бригитте и Тарху, за кем следить, жест был таким же скупым, как приказ на линии огня. Валькирия сдвинулась так, чтобы держать Кляпа в секторе, Тарх чуть повернул корпус.

Ноктир вышел из броневика, будто у него есть время и право на эту походку. За ним подтянулся отряд бойцов, и они вместе двинулись навстречу начальнику форпоста. Кодекс в Грейвилле видели редко, и люди у ворот быстро уходили с пути этой процессии, освобождая коридор.

– Засвет, со мной, – бросил Ноктир, не оборачиваясь.

Грач оставил радар и выбрался следом: по званию его окликали редко, и всякий раз это значило, что шутки кончились.

Начальник вышел им навстречу сам, и это было половиной ответа.

– Ноктир, Кодекс Вулканиса. Мне нужно топливо, вода, крупа, патроны. Грузимся и уходим.

– Склады. – Начальник потёр щёку, оставил на ней полосу пыли. – А жить я потом чем буду? Краегор лёг, с дорог ко мне больше ничего не потянется.

– Про Краегор знаем.

– Все всё знают. – Он хохотнул коротко и зло. – Только в город поедете вы, а зимовать тут мне.

– Приказ Доминарха, секретная миссия, – Ноктир не повысил голоса.

– А если скажу нет?

– Останетесь без подпитки города.

Начальник молчал, глядя мимо него на машины. Считал.

– Что смогу отсыпать – отсыплю. Всё не отдам, хоть режьте.

– Приемлемо.

Начальник махнул в сторону ангаров, и его люди пошли открывать, оглядываясь через плечо. Сам Ноктир, Грач и один боец ушли с комендантом форпоста, для видимости обсуждать положение дел Грейвилла и Вулканиса.

Вектор раскурил трубку, остался на Барже. Дым тянулся тонкой полосой, потом его срезал ветер. Он внимательно следил за тем, как Кляп, вроде бы лениво, скрылся за углом ангара с парой своих головорезов. Кляп ушёл так, будто ему стало скучно, будто всё это его не касается, и именно это выглядело опасно.

К грузовикам наконец притащили несколько тюков. Кто-то нёс их вдвоём, кто-то тащил волоком по пыли, и никто не сбавлял темпа: здесь тоже понимали, что окно короткое. Мрак шагнул ближе к погрузке, начал считать взглядом, куда что пойдёт, и вокруг него сразу собра-

лись те, кто ждал именно этого: конкретных действий и ясного порядка, чтобы грузиться быстро и уходить ещё быстрее.

Слишком мирно. Илье это сразу не понравилось. После того, чем начался их рейд, он надеялся, что здесь всё пройдёт просто, что возьмут тюки, откроют створки и они уйдут на Восток. Вместо этого он ощущал, как где-то внутри натягивается нить, и чем спокойнее выглядел двор, тем тревожнее становилось это ощущение.

Охранники у ворот стали ходить нервно. Сначала это было почти незаметно, потом бросалось в глаза: лишние шаги, остановки, взгляды, которые слишком часто возвращаются к тюкам рейда. Они мерили груз на себя, и в этих взглядах парень читал простые вопросы. Куда идут эти люди. Зачем им столько жратвы и патронов. Почему им отдают это сейчас. А может, оставить добро себе?.. А город и не узнает…

Дальше мысль расползалась сама. Еды прилично, боеприпасы, бабы. В форпосте уже знали, что большие дороги умерли, рейды кончились. Треугольник Альтерры рассыпался, и теперь каждый готовился жить по одному, без общего соглашения и больших обещаний. Илья видел, как этот переход происходит у людей на лице, как будто они перестают играть в порядок и начинают прикидывать добычу.

Взгляды на Бригитту и рейд стали плотоядными. Вектор видел, как некоторые охранники задерживаются на её лице, бюсте, бёдрах, на том, как она двигается, и это уже не было простым любопытством. Он понял, что ворота им так просто не откроют.

Илья поймал взгляд Мрака. Караванщику хватило этой секунды. Он кожей ощущал все взгляды, и чутьё зверя кричало о проблемах. Мрак неспешно вернулся в командирку, будто ему просто захотелось проверить что-то по дороге. Внутри он наклонился к Анессе близко, чтобы не поднимать голос.

– Сигналь чёрным. Голосом нельзя. Канал слушают и здесь.

– Кодом? – Несса не сняла рук с рычагов, только повернула к нему лицо.

– Кодом, но не морзянкой. – Он снял её руку с рычага, положил пальцы на тангенту. – Стучи. Дави и отпускай, коротко. Вот так.

– А если не отзовутся?

– Услышат.

Анесса застучала. Короткие щелчки проходили сквозь помехи, где голос тонул, и понять их могли только свои. Грач и Ноктир смогут за себя постоять. Главное сейчас отбиться на площади у ворот, дождаться их, чтобы вместе дожать створки и уйти.

На секунду кольнуло в голове, что зря они сюда залезли. Надо было сразу рвать на Восток, без форпоста и без попытки сыграть в старые правила. Но Мрак захотел ещё чуть припасов, чтобы у рейда были шансы.

Жилин пошёл вдоль машин, отдавая приказы вполголоса.

– Борта не оголять. Вы двое – левый, вы – правый. Стоять лицом на людей, спиной к тюкам. Медленно, не спешите.

– Окна вторых этажей, кромки крыш, тёмные проёмы.

– Стволы вниз. Первыми не начинаем. Палец с курков уберите, идиоты.

Что бы он там ни думал про Мрака, сейчас он делал своё дело без споров. Чужие тоже перестали изображать спокойствие. Они начали сходиться плотнее, перекрывая проходы, будто случайно, просто так получилось, но каждый шаг ложился в одну картину, где рейд понемногу обжимают.

Их уже явно окружали, и над двором завис один вопрос, который всегда поднимается перед таким моментом.

Кто выстрелит первым.

Бригитта откровенно скалилась. Снова городские зажали её стенами, эти взгляды она знала слишком хорошо: в них всегда один смысл – ты здесь вещь, и вопрос только в том, кто первым потянет руки. На заднем дворе заметались люди, куда-то бежали.

– Бри. Гляди, как расходятся. – Тарх сказал это, не поворачивая головы. – По углам растеклись, у створок трое, и ни один на нас прямо не смотрит. Значит, решили уже.

– Вижу.

– Скоро начнут. – Он перехватил цевьё поудобнее, повёл плечом, разминая. – Чего старшие тянут?

Бригитта не ответила.

Это была та секунда перед, которую все трое знали наизусть: сейчас прольётся кровь. Ярость в воительнице уже собралась в одну точку, горячая и злая, и когда на стене дёрнулся охранник – может, просто почесался, – ей было уже всё равно. Она оказалась первой.

Она сдёрнула спуск, и по стене перед ней хлестнуло огнём из двенашки. Площадь перед воротами захлебнулась грохотом: захлопали одиночные, потом всё слилось в сплошной треск, из которого уже не выдернуть отдельного выстрела. Пыль взлетела сразу, по камню и металлу застучало, сверху посыпались куски крошки, а люди в колонне уже работали.

Сверху обзор был широкий. Стерва была слишком мощной, поэтому Илья держал двор и дальние подходы, прикрывал Бригитту и Тарха от одиночных целей из винтовки. Он бил коротко, выбирал тех, кто высовывался сбоку или пытался зайти с фланга, пока остальной рейд давил местную охрану и чистил площадь у ворот.

Бой занял меньше минуты. Всё оборвалось. Площадь стихла, остались только редкие щелчки остывающего железа и тяжёлое дыхание тех, кто стоял на ногах.

В глубине форпоста послышались выстрелы. Короткие, плотные, уже другой рисунок, и Вектор сразу понял, кто там работает. Грач, Ноктир, их небольшая группа пробивались, открывая себе коридор.

В рации тут же прорезались рваные слова Ноктира. Связь прыгала, фразы ломались на обрывки, но смысл держался:

– …пом**щ* н* **жна… всем ** м*шин**… ств*рк* откроем сам*…

От колонны требовалось простое: ждать и крыть сектор.

Илья не увидел отблеска оптики. Кляп засел в глубине одного из домов и бил из тёмной комнаты, в стороне от окна, к которому тянулся взгляд. Что-то в наклоне теней насторожило, и Вектор чуть качнул головой. Пуля прошла в сантиметре от его виска, дёрнув воздух у самого уха, ушла дальше, за спину. Прямо в затылок Тарха.

Бригитта рванулась к Тарху сразу, как будто могла успеть. Это был её свояк, тело отреагировало быстрее мысли. Она упала рядом на колени, подхватила его за плечи, попыталась поднять голову, чтобы увидеть глаза. Бесполезно. Тарх был мёртв. Валькирия поняла это по тяжести в руках, по тому, как сразу пропало сопротивление, и у неё на секунду пресёкся воздух.

Илья уже метнулся к брошенной Стерве и разворачивал ствол. Он не смотрел на Тарха. Слух у него последние месяцы садился от крупного калибра, и на эхо он давно не полагался, но глаз и опыт стрелка работали без осечки. Он успел поймать створ окна по короткой вспышке в темноте комнаты, прикинул, под каким углом легла пуля и где у дома единственный удобный выступ, чтобы бить по сектору у ворот, навёл туда.

Стерва заработала коротко и тяжело. Несколько секунд, и по верхним комнатам прокатился рваный удар, кирпичная крошка полетела вниз, в воздухе повисла пыль.

За спиной Бригитта выла. Уши после Стервы забило ватой, и всё же этот звук проходил насквозь. Этот вой бил по спине Вектора, но он не хотел поворачиваться и видеть её в этот момент. Он держал себя на задаче. Продолжал выискивать цель, потому что знал: если Кляп жив, он попробует ещё раз.

Илья заметил, как мелькнула оптика бликом на солнце. Отражение пришло от окна за углом, не в прямой видимости, короткая вспышка, которую легко принять за случайный стеклянный отблеск.

Он быстро перевёл прицел на улицу левее, взял угол дома так, чтобы за него полетела крошка и осколки. Ствол дал короткую очередь, и по кладке прошёл удар. Камень посыпался, воздух сдуло пылью, за углом кто-то дёрнулся.

Кляп ошибся. Видимо, он стоял ближе, чем нужно, и когда от осколков шарахнулся, выставил за противоположный угол ногу. Такой промах проходит без последствий, если напротив обычный пулемёт и расстояние большое, метров сто пятьдесят или двести, разброс и нервы делают своё. Против Вектора это не работало.

Илья всадил разрывной в ступню. Выстрел лёг туда, куда надо, и крик Кляпа прорезал двор, как сигнал. Он рухнул на мостовую, схватился руками за ногу, попытался отползти, но тело уже не слушалось от болевого шока.

Теперь Илья повернулся к Бригитте. Кляп лежал у угла, с разбитой ногой, и никуда уже не делся бы, болевой шок сковал бывшего бойца. Стрелок снял руки со Стервы, шагнул в сторону, освобождая валькирии место у пулемёта. Он видел её только краем глаза, но понимал, что она всё ещё рядом с Тархом. Он сказал спокойно, чтобы слова дошли и стали опорой.

– Брига. Вон та падаль убила Тарха.

Бригитта поднялась. Движение вышло прямым и тяжёлым, руки она обтёрла о штаны, не глядя на них, встала к Стерве, развернула станину, навела ствол на тело, которое корчилось у угла. Сдёрнула спуск, выпустила несколько очередей. Стерва заговорила глухо и яростно, пыль снова покатилась по мостовой.

Несмотря на злость, в Бригитте прибавилось мастерства. Она держала сектор, не водила стволом в пустоту, и минимум треть легла в цель, нашпиговав Кляпа, как мешок. Когда звук иссяк, на площади снова стало слышно только далёкие выстрелы где-то внутри форпоста.

Кодекс и те, кто держался рядом с ним, выламывали двери, выбивали окна, срезали углы прямо по внутренним комнатам, словно форпост для них был рыхлой конструкцией, которую можно пройти насквозь, оставляя за спиной открытые проёмы и выбитые косяки. На секунду в одном окне мелькнул чёрный шлем, в другом тут же хлопнула рама, уже где-то дальше топот ударил по лестнице. Это путало всех, кто пытался их поймать.

Они вышли к воротам как вихрь. Двое сразу заняли башенку, коротко и чисто, без лишней стрельбы. Один лёг на край пролёта, прикрыл вход, другой подхватил управление створками, и металл почти сразу загудел знакомо. Механизм взял нагрузку, заскрежетал, створки начали расходиться, медленно, уверенно.

Рейд держал сектор и не лез вперёд, пока проход не стал достаточным. Люди двигались уже автоматически, по командам и жестам, подхватывали тюки, заводили машины, подтягивали тех, кто стоял у борта. Вся стычка на площади и в форпосте заняла мало времени, и итог выглядел неправдоподобно: погиб только Тарх. Все остальные даже не были ранены.

Эта сухая статистика не работала для Бригитты. Она стояла на Барже, держалась, потому что вокруг ещё был бой, ладони лежали на рукоятях, ствол смотрел куда положено, но внутри у неё уже случилось главное. Из тех, кто прошёл с ней всю рейдерскую жизнь и был сейчас при ней, не осталось никого.

Глава 2
Пещера

Уже двадцать километров от Грейвилла Мрак смотрел вперёд, где дымка съедала дальние камни до серой полосы, в который раз разбирал слова Ильи по частям. Убей они Кляпа сразу, при первой же встрече, – и что дальше? Бойня с порога, колонна в кольце чужого города, и хоронить пришлось бы не одного. Расклад сходился всякий раз одинаково, а легче от этого не делалось. Правая нога затекла под приборкой; он переставил её рукой, не тревожа колена.

– Это рейд, командир, – пробасил Жилин. – Потери будут, мы знали это, когда шли сюда. Тарх был первым, но не станет последним.

– Да я…

– Давай встанем и похороним по-людски, – отозвался Грач со своего места. – Пора.

Сбросили ход – десять моторов ушли вниз по тону. Жилин передал по каналу порядок машин, колонну свели с накатанного к низкой каменной гряде, поставили углом, чтобы корпуса держали ветер. Баржа встала чуть дальше, тяжело осев на рессорах, со Стервой, развёрнутой назад, будто и сейчас держала Грейвилл на прицеле.

Люди выбирались наружу молча, придерживая двери, чтобы не хлопнуть. Кто-то присел у колеса, стал выковыривать камешек из протектора – работа на две секунды, её растянули надолго. В колонне почти никто Тарха толком не знал: прибился он к ним поздно, для большинства так и остался человеком с Баржи.

Тарха сняли вдвоём, приняли на руки с борта, понесли коротким шагом, чтобы не оступиться на щебне. Брезент по краю ссохся и стоял коробом, его подхватывали горстью, чтобы не выскользнул. Нести было недалеко.

Бригитта держалась рядом, пока тело перекладывали. Руки у неё делали лишнее: подтянуть ремень, который уже не съедет, убрать из-под спины складку ткани, которая мертвецу не мешает. Она разглаживала брезент ладонью, как разглаживают постель под живым.

Илья стоял так, чтобы не заслонять ей воздух и при этом быть достаточно близко, если её сорвёт. После Грейвилла он почти не говорил, трубка лежала в кармане ненабитая, большой палец он держал на ней, не вынимая руки. Он смотрел на её руки и молчал. Поверни время вспять, дай ей выбор – он или Тарх, – и Вектор не поставил бы на себя.

Он позвал негромко:

– Брига.

Она подняла глаза, не выпуская брезента из кулака.

– Руки, – бросила она.

Илья остановился, рука у него так и осталась на весу, пока он не опустил её к бедру. Мрак подошёл, припадая на шаг, снял перчатку, провёл рукой по лицу, стирая с себя пыль Грейвилла.

– Здесь. Дальше нет смысла.

Валькирия коротко наклонила голову, взялась за край брезента, подняла свой угол первой, ни у кого не спросив. Её сторона весила столько же, сколько мужская, – помогать никто не полез.

Собрали топляк: ящики из-под лент, промасленную ветошь, сухой кустарник из каменной ложбины. Канистру Мрак разрешил открыть, не обсуждая. Вслух никто не возразил, только один из караванщиков, принимая канистру, задержал её в руках чуть дольше, чем нужно, и посмотрел вслед, когда её понесли к сложенным доскам.

Тарха уложили на обломки – доски качнулись под весом, легли неровно, тело повело набок, и его подравняли за плечи. Пролитое на доски топливо стояло тёмными пятнами и не

уходило в сухие ветки. Лицо закрыли куском ткани. Бригитта долго смотрела на это полотно. Поправила край у подбородка, резко, пальцы на секунду задержались.

Илья шагнул ближе, положил руку ей на плечо и потянул к себе – коротко, на полдвижения.

Она вышла из-под руки сразу, одним поворотом плеча, и даже не обернулась. На лице ничего не дрогнуло, только челюсть сжалась сильнее, на скуле встал желвак.

– Ты городской, Илья, – процедила она глухо, не оборачиваясь. – Тебе не понять.

Раньше он ушёл бы к Стерве, где всё просто и считается руками: сектор, цель, отдача, результат, но сейчас не хотелось.

– Может, и не пойму.

Мрак поднял с камня факел – ножку ящика с намотанной поверх ветошью, – повертел в руке, приноравливаясь, откуда держать, чтобы не жгло. Обвёл взглядом людей, ожидавших слова. Тарха он не знал. Говорил с ним от силы дважды – оба раза о креплении груза.

– Сегодня мы хороним боевого товарища, – сказал караванщик. – Он оказался на пути куска металла. Житель Пустоши, что пошёл спасать этот мир. Спи спокойно, брат.

Люди наклонили головы, кто-то в задних рядах переступил с ноги на ногу.

Бригитта подняла подбородок и не опустила его, когда на неё оглянулись. Скулы у неё пошли пятнами.

– Брат, – съязвила она.

Мрак повернулся к ней. Открыл рот и закрыл, так и не сказав ничего. Факел в его руке качнулся, с ветоши сорвало искры.

– Тогда говори ты, Дитя Пустоши, – предложил Луис.

Она помолчала, глядя, как вздрагивает от ветра ткань на закрытом лице. Стоявшие сзади подвинулись, чтобы её было слышно.

– Это был настоящий Воин. Он носил меня на плече, когда я до борта не доставала. Двадцать лет знала. Всё думала, ещё будет время посидеть, выпить.

На последнем слове голос сорвался, она замолчала, пока он не вернулся.

– Вот и посидели, – договорила она, но голос дрогнул.

Мрак протянул ей факел, пламя дёргалось от ветра и роняло вниз горящие нитки, а Бригитта донесла его до сложенных досок и там остановилась.

– Прощай, Тарх. – Валькирия бросила факел в ветошь.

Занялось быстро, жадно облизало промасленные края, добралось до сухого дерева, поднялось выше. Жар ударил в лица тем, кто стоял близко, – люди подались назад, все, кроме неё.

Караванщик первым отвёл взгляд. Дым шёл вверх столбом и читался с любой гряды. Мрак дал колонне столько, сколько мог, – пока огонь не сел до углей. Тихо велел Жилину:

– Через пять минут заводимся.

Вячеслав наклонил голову и передал команду по ряду. Люди расходились молча, проверяли крепёж по второму разу, подтягивали ремни на тюках – бережно, будто резкое движение могло тут кого-то оскорбить.

Когда костёр просел, место засыпали камнем и песком. Бригитта отошла последней. У Баржи она провела ладонью по холодному борту и поднялась наверх без помощи, через колесо и скобу. Илья полез следом, держа ту дистанцию, которую она ему оставила. Наверху она села к своему борту и ни разу не оглянулась на дым.

Первые километры эфир молчал. Кто-то забыл отпустить тангенту: в динамиках стоял ровный шорох, и было слышно, как в чьей-то кабине дребезжит незакреплённая железка.

Один не выдержал и вышел в общий канал.

– Машина три. Кто взял ключ на двадцать два?

Эфир помолчал секунду, будто примерялся, стоит ли отвечать всерьёз.

– На двадцать два у тебя отродясь не было.

– Был. С Вулканиса вожу.

– Так ты им в Вулканисе ящик подпёр.

– Пекло, – согласился первый. – Точно подпёр.

Засмеялись сразу в трёх машинах, коротко, будто пробовали, можно ли. Оказалось, можно. Дальше пошло само: у второго грузовика третий день текла помпа, водителю припомнили всё, начиная с фляги, которую он продал в позапрошлом рейде, а потом неделю пил из чужих.

Эфир болтал, спуская напряжение, пока кто-то не сменил тему.

– Командир, – позвал голос из обоза, немолодой. – А дойдём?

Мрак снял тангенту с крючка и подержал в руке, прежде чем нажать.

– Дойдём.

– Ты там был?

– Был. Втроём, на одной машине.

– А нас сорок.

– Значит, дойдём вернее.

В эфире хмыкнули, кто-то буркнул «ну-ну», и разговор пополз дальше, про воду и про то, кто у кого стянул пробку от канистры. Караванщик повесил тангенту обратно, не глядя. Про Депо больше никто не спросил.

А вот как они туда попали, Мрак не помнил вовсе: гнал на остатке воли, не считал ни поворотов, ни километров, думал дожить до вечера. Теперь по этой памяти шли сорок человек.

– Опять стоит. – Анесса наклонилась к кожуху. – Второй день стоит, как вкопанный.

Компас лежал под мутным стеклом в гнезде на кожухе, стрелка чуть покачивалась на ходу и держала ориентир, будто её пришпилили.

– Под нами пусто, вот она и не врёт. – Луис не поднял головы от бумаг. – Ни хлама, ни жил. Плюс броня нас прикрывает. – Он подумал и добавил: – Строго говоря, прибор никогда и не врал. Врала среда.

– А по четвергам что? – прыснул хохмач.

Мрак смотрел вперёд, где гряды подходили к колее с обеих сторон.

– Нет, нас ведут.

Луис поднял голову от бумаг, придержав пальцем строку.

– Что?

– Стрелка стоит, потому что нам показывают дорогу. Пустошь показывает.

В кабине притихли, Грач перестал качать ногой.

– Это железо, – поправил учёный. – Точнее, то, что его тут нет.

– Пусть так, но я знаю.

Луис помолчал. Карандаш он с бумаги снял и держал на весу.

– Выходит, что вам очень везёт.

– Не всегда.

Грач фыркнул и мотнул головой на рацию, где по-прежнему шуршал общий канал.

– Ты это в эфир не тащи. А то полколонны начнёт с Пустошью по утрам здороваться.

Жилин слушал с заднего места и молчал. На компас он за дорогу не посмотрел ни разу: смотрел в зеркало, считал машины, беззвучно, губами; всякий раз, когда колонна растягивалась, у него дёргалась щека.

На Барже трёп слушали и не лезли. Стрелок сидел за Стервой, положив ладони на нагретый кожух, держал правый борт, где камень подходил ближе. Бригитта сидела у левого, спиной к Илье, разбирала и собирала замок на подсумке – щёлк, щёлк, – за час не открыла рта. Один раз обернулась, посмотрела на него, он ответил взглядом. На этом всё и кончилось.

Ровная Пустошь кончилась к вечеру. Пошёл камень. В кабинах пахло горячим маслом, а на зубах скрипела поднятая пыль.

Пещеру нашли в стороне от маршрута, когда света оставалось на час с хвостиком. Вход был широкий, с обваленным краем, за ним темнел длинный зал и Барже хватало места развернуться. Из зева несло холодом и сыростью, какой в Пустоши не бывает даже под утро.

– Надо троих налегке. – Жилин смотрел в чёрный зев. – Тихо посмотрят, что там в глубине, и назад.

– Людей не надо, – отрезал Мрак. – Первым пойдёт Шершень.

Жилин отвёл взгляд от темноты и повернулся к нему.

– Машину в такую дыру? Там свод неизвестно какой, застрянет или сядет на брюхо – и кто её оттуда тащить будет?

– Не застрянет.

– А если там что живое?

– Не волнуйся. – Караванщик смотрел в темноту за обваленным краем. – Эту коробку всю ночь грызли твари и хоть бы чего. Тут странная броня, я такой не встречал.

– Твоя машина, тебе видней, – выдохнул он наконец.

Анесса села за рычаги, Мрак рядом, Жилин влез последним и притянул дверь на себя.

– Всем закрыть щели, – передал Вячеслав на командирскую. – Стоим на месте, не лезем, ход не рвём. Пока не позову – никто не рыпается.

Шершень тронулся, мягко, на первой. Фары резали пыль перед капотом, свет уходил вперёд и терялся в глубине, не доставая стены. Передние траки хрустнули по щебню, кабина вошла под каменный козырёк. Пропал ветер, звук мотора вернулся с боков глухим, тяжёлым.

– Пусто, – протянул Грач, глядя в датчик. – Пока пусто.

Он не договорил: из темноты сорвалось, будто кто-то махнул рукой. Первый удар пришёлся в лобовую броню, следом посыпалось – грохнуло так, словно по Шершню швырнули горсть мокрых камней, захлюпало, раз за разом, чаще, чаще, без просвета. В свете фар мелькали узкие тела, тяжёлые головы, слюдяные крылья; твари бились о металл, о стеклоблоки, о решётку и оставались на броне тёмными мазками. Одна лопнула прямо на смотровой щели – по ней потекло густое.

Анессу повело. Она успела подумать, что это глупо, что между ней и этой дрянью стоит палец брони, – и всё равно руки на рычагах стали чужими, а спина сама вжалась в сиденье. Она уже сидела так однажды, в этой самой кабине: только тогда за бронёй стояла орда, стена тел, и они втроём ждали рассвета, в безумной надежде на чудо.

– Держи, Несса. – Мрак на неё не смотрел.

Она выдохнула через зубы и удержала ход, рычаг под ладонью снова стал плавным.

– Вот же падаль крылатая, – выругался Грач сквозь зубы, не отрываясь от экрана.

Мрак ждал, что стая размажется о железо и кончится. Не тут-то было. Первые ряды разбились, а задние, ударившись и не пробив, отваливали вверх, к своду, и там сбивались в живой шевелящийся ком. Свет тянул их к себе. С каждой секундой их только прибывало, будто пещера отдавала нутро по частям.

– Назад бы, – выдавил Луис.

Жилин смотрел в боковую щель, где темнота двигалась сплошняком, считал людей, оставшихся снаружи, и с каждым разом счёт выходил хуже. Караванщик здесь. Кодекс здесь. Стрелок с датчиками здесь. Он сам, старпом, тоже здесь, залез своими ногами. Снаружи стояли сорок человек, девять машин, темнеющая Пустошь – и ни одной головы на всё это. Он потянулся за тангентой через плечо Грача.

– Всем стоять на местах. Слышите меня? Ход не рвать, к входу не подходить.

Эфир ответил не сразу.

– Командир, у вас там лупит же.

– Стоять на местах!

– Мы вас вытащим, дайте только…

– На местах, мать вашу!

В канале уже говорили все. Кто-то предлагал подать трос, кто-то – подойти и бить по зеву из крупного, кто-то заводил мотор – звук этот Жилин услышал даже сквозь хлюпанье по крыше. Голоса накладывались, глушили друг друга. Тангенту жали одновременно с четырёх машин.

Жилин вдавил тангенту большим пальцем сильнее, чем нужно, и подержал, не отпуская.

– Отставить моторы, – произнёс он без крика, тем голосом, которым при выходе из Вулканиса разводил машины по местам. – Никто нас не вытаскивает. Мы внутри, нам ничего не сделается. Ждите, тут твари странные, вас в куски порубит.

Эфир смолк, снаружи заглох мотор, следом ещё один. Третий подержали на холостых и погасили тоже.

Над ними ворочался ком, шурша и потрескивая; от каждого его движения по крыше проходила волна мелких ударов. Свод жил и переваливался, от этого казалось, что камень стал ниже.

Датчик у Грача сыпал точками так плотно, что экран засветился ровным пятном, а писк из него сел в одну непрерывную ноту. Хохмач крутнул регулятор до упора и обратно, но точки не разошлись.

– Ой, я даже считать не буду. Сотни две минимум.

– Задний ход, – сказал Мрак. – Выкатываемся. Пусть остаются со своим камнем.

Анесса взялась за рычаг и повела его на себя.

– Стой, – рявкнул Жилин.

Караванщик обернулся к нему через спинку.

– Стой, – повторил Вячеслав. – Мы их за собой вытащим.

– Свет уберём – отстанут.

– Не факт. – Жилин мотнул головой на потолок, где ворочался ком. – Они уже на нас сели. Пойдёт за нами весь этот ком, и что снаружи? Баржа с открытым верхом. Кабины с щелями. Сорок человек, которых я только что еле удержал по местам.

– Закроются.

– А потом? – Жилин говорил спокойно, но лоб блестел. – Допустим, они нас проводят и рассыплются. А если не свалят? Если они нас поведут до самого утра, а потом днём где-нибудь сядут на тюки? Ты их чем бить будешь, из Стервы по своим же бортам?

Анесса держала рычаг на себе и ждала, не отпуская сцепления.

– Внутри мы их тоже не пересидим, – ответил Мрак.

В кабине стало слышно, как по крыше пересыпается щебень.

Караванщик качнул головой, Анесса сняла руку с рычага.

– Хорошо. Значит, чистим здесь. Чем?

– Пироцелий, – сказал Луис.

Несса повернула голову так резко, что ремень врезался ей в плечо.

– У нас полный картридж под полом, – продолжил Ноктир. – В открытом поле он просто хлопает. Здесь свод низкий, стены глухие, объём замкнутый. Вскрой его тут – он расширится разом и ударит давлением по всей дыре.

– Вскрыть чем?

– Давай пулей. Картридж должен лежать на полу, стрелять надо издалека, и своих в зале к тому времени быть не должно.

– А мы не свои? – удивился Грач.

– Броня выдержит, – пояснил Луис. – Стёкла тоже. Задраиться придётся наглухо, иначе к нам пойдут пары.

– Обе пары, – повторил хохмач.

– Никита, прекрати, – повторил Луис.

Анесса всё это время считала – быстро, привычно, как считают товар на рынке. От того, что выходило, у неё сел голос.

– Мрак. Это пятьсот вёрст.

– Знаю.

– Полный картридж. – Она развернулась в кресле. – Это одна машина от Депо до Вулканиса и обратно, или две – в один конец.

– Час назад мы искали спину и узкий подход, – заметил Луис. – Мы их нашли. Место хорошее. Плохо в нём только то, что в нём кто-то живёт.

– И этот кто-то хочет кушать, – добавил Жилин.

Мрак смотрел вперёд, в белое пятно фар на дальней стене, где висела и не оседала пыль. Пятьсот вёрст. Сорок человек. Картридж лежал под полом, под их же ногами, и всю дорогу от Вулканиса числился неприкосновенным.

– Жжём.

Луис кивнул, Грач качнул прожектор, проверяя ход кронштейна, Анесса отвернулась к своему стеклу, стала стирать перчаткой слизь с внутренней стороны, хотя изнутри стекло было чистое.

– Кинуть надо ближе к центру, – начал Мрак. – Чтоб накрыло всю дыру, а не порог. Дверь не открываем: щели хватит, чтоб они сюда набились. Форточка на правом борту. – Он положил руку на кожух у водительского рычага. – Вглубь поведу я. Подвинься.

Несса с места не подвинулась.

– Ты забыл, кто тебя из Пустоши вывозил? Тебя и полумёртвого Грача. Справились.

– Я десять минут назад видел твои руки.

– Сиди и страхуй, а машину мне оставь. – Анесса сердито отвернулась, она не любила считать себя бесполезной.

Караванщик подержал на ней взгляд.

– Аккуратно кати. Метр за метром.

– Как всегда.

– Форточка моя, – буркнул Жилин.

Мрак повернул голову. Жилин смотрел прямо перед собой.

– Она за рычагами, – спокойно произнёс Вячеслав. – Ты командир. А я тут пассажир. Из нас пятерых без меня доедут, а без вас – нет.

Лидер нашёл его глазами и не сказал ни слова.

– Держись за скобу. Открою и сразу выбрасывай, старайся положить замком к зеву, чтобы винтовка взяла.

Анесса повела Шершень вглубь, на самом малом, и щебень лопался под гусеницами по одному камню.

Ком под сводом качнулся, обрушился на броню сверху. Теперь били по крыше, по стёклам, по всему, и в кабине стоял такой гул, будто машину везли под водопадом. Фары выхватывали дальнюю стену, чёрные натёки на камне, узкий провал в глубине. По стеклоблокам расползались мокрые пятна, и свет шёл через них рваным.

– Хватит, – рявкнул Мрак, когда до стены осталось метров пятнадцать. – Там осыпь. Готовься.

Жилин взялся за скобу правой, картридж принял на левую, прижал к боку, через локоть и ремень. Цилиндр был тяжёлый, в потёртом кожухе. Держать его пришлось на весу, у самого стекла, – рука у Жилина мелко задрожала.

– Раз. Два. Пошёл!

Форточка ушла вниз на локоть. Жилин вытолкнул цилиндр в щель, тот тяжело плюхнулся на камень и лёг. В ту же долю секунды в форточку сунулось сразу несколько тварей: одна прошла внутрь целиком, полоснула его по левой руке выше запястья – коротко, будто

провели проволокой. Жилин рванул форточку вверх, придавил вторую пополам, стряхнул с рукава третью, зажал предплечье. Между пальцев проступило тёмное.

Та, что прошла, металась по кабине с сухим стрекотом: билась о потолок, о стекло, о плечо Луиса.

– Не двигаться, – выдохнул Грач.

Он снял её со стекла плоскостью ладони, коротко, как бьют по мухе, и вытер руку о штанину.

– Ну и гниль, – сказал он с чувством.

– Лёг, – процедил Жилин. – Мрак. Назад.

Анесса бросила Шершень задним ходом, не разворачиваясь. Броневик пятился к выходу, кидаясь на камнях. У самого зева, по руке Мрака, она поставила его боком, вплотную к стене, чтобы освободить линию от входа в глубину. Грач вывернул прожектор так, что белое пятно легло на брошенный цилиндр, – тонкая нить света через всю чёрную дыру.

Мрак перещёлкнул тумблер на командирскую и подтянул рацию ближе.

– Баржа. Вектор.

Спустя полминуты откликнулся названый младший брат.

– На связи.

– Цель на полу, в глубине, в свете прожектора. Картридж. Бей.

Пауза вышла такая, что стало слышно, как по крыше ползают.

– В смысле бей? – отозвался Илья.

– В картридж лупи, нет вариантов, – рыкнул Мрак.

– Эээээ…

Караванщик подержал тангенту, глядя на решётку динамика.

– Повтори.

– Не буду, – ответил Илья. – Ты меня просишь ударить по пироцелию в замкнутом камне, а в тридцати шагах от неё вы сидите. Это бред, Мрак. Найди другой способ.

– Илья, – начал закипать Мрак.

В канале щёлкнуло, тангенту вынули из чужой руки, и голос сменился.

– Сейчас засажу, ждите, – отрезала Бригитта.

Выстрел донёсся сухо и мелко, будто щёлкнули по жести. В белом пятне цилиндр качнулся на боку, провернулся на ладонь и лёг обратно.

– Есть, – бросила валькирия. И через секунду, другим голосом: – А, нет.

Второй выстрел лёг туда же, цилиндр только дёрнулся.

Третьей она взяла ниже, по донцу, там, где металл должен быть тоньше. Рикошет, картридж снова лишь подвинулся.

– Ну я попадаю и чего? – не понимала Бригитта.

Мрак повернул голову.

– Почему не идёт?

– Двадцать килограммов. – Луис не поднял глаз от сумки. – Пуля его толкает. Чтобы он пошёл, надо вскрыть и желательно поджечь одним ударом.

Караванщик несколько секунд смотрел в темноту за бронестеклом. Нажал тангенту.

– Вектор. Зажигательным надо.

В канале молчали.

– Слушай, – Мрак заговорил медленно, выкладывая по одному. – Их тут не десяток. Ком. Весь камень, вся крыша, и пока они заняты нами.

– Сколько?

– Никита таких цифр не знает, говорит.

Пауза вышла длинная.

– Назад хода нет, они сползут с камня и пойдут за нами. Не на нас, Илюха. На рейд.

– Чтоб вас всех, – пробормотал наконец Вектор. – Ждите, ставлю оптику.

Тангенту он отпустил, и канал умер.

В Шершне задраились наглухо. Проверили дважды: форточку, створки, лючок нагнетателя, щели вентиляции. Резину на створке Засвет прижал и подержал, пока она не села заподлицо. Учёный сложил бумаги в сумку и застегнул её. Больше делать было нечего, и они стали ждать.

Илья ушёл к ящику, где с самого Брейкрима лежала оптика. Он ставил её на Стерву уже дважды и знал каждый её винт.

Стерва ударила без предупреждения, и в Шершне все вздрогнули. Бил Вектор не внутрь: трасса ушла в сторону, в гряду, и по чёрному камню брызнуло красным, коротко и высоко.

– Куда это он? – Несса подалась к стеклу.

– По камню, – сказал Мрак. – Ветер щупает.

Вторая очередь легла в гряду ниже и левее. Крошка потекла вниз сухой струёй, и наверху, на камне, что-то тяжёлое сорвалось и поехало по осыпи.

Общий канал щёлкнул, и в него влез Жилин.

– Не мешайте ему. Он сейчас поправки снимает. Всем молчать в эфире.

Старпом отпустил тангенту и остался сидеть, глядя в темноту поверх капота.

Стало тихо.

Мрак не торопил. Грач не шутил. Анесса не отрывалась от белого пятна впереди, где на боку лежал цилиндр, и считала про себя, сама не зная что.

Тишина тянулась долго. Дольше, чем нужно на поправки. Дольше, чем нужно на что угодно. По крыше ползали.

В динамике щёлкнуло.

– Мрак.

– Здесь.

– Готов.

– Лупи, Илюха.

Выстрел они не услышали. Увидели только, как впереди, в белом пятне, дёрнулся цилиндр и посыпались искры. Цилиндр зашипел.

Пироцелий ударил из пробоины, схватился с воздухом, полез, распираясь. Цилиндр подбросило, крутнуло, и он с визгом рванул в глубину, толкая себя собственной струёй, как сорванный с привязи баллон. Он влетел в узкий провал у дальней стены – и там, в тесноте, сдетонировал. Ударило раз, глухо. Ещё и ещё, серией, всё дальше и глубже.

Первая волна дошла до них тугой стеной. Шершень качнуло на рессорах, будто по нему сверху сел кто-то тяжёлый; в ушах вспухло и лопнуло, стёкла держались, но по левому стеклоблоку треснуло белой паутиной. Мрака кинуло грудью на кожух. Анессу бросило на ремень. Луиса сорвало с сиденья, приложило плечом о ящик. Ударило второй раз, третий, и в кабине стало жарко так, будто открыли печь.

Грач вцепился в рукоять прожектора и повёл луч по своду. Белое пятно скакало по камню, по чёрным потёкам, по горящим комкам, срывалось в пустоту и возвращалось.

– Где он… ну где ты, прах…

Поймал.

Картридж не лежал. Он ходил.

Двадцать килограммов железа мотало по пещере на собственной струе. Цилиндр волочил за собой белый хвост, срывался с пола, налетал на свод, отскакивал, чиркал по камню длинной искрой и уходил в другую сторону. Каждые пару секунд из него хлопало – сухо и тяжело, будто били кувалдой по пустой цистерне, – и от каждого хлопка его швыряло по новой дуге.

Траектория опасно намекала на броневик.

– НАЗАД! – Грач сорвал голос на первом же слоге. – НЕССА, НАЗАД! НАЗАД!

Обе рукояти ушли на себя разом. Шершень присел на корму, траки взвыли по камню, и машина попятилась, задирая нос.

Цилиндр прошёл там, где она стояла.

Ударил в пол, подскочил, ткнулся в свод прямо над капотом. По бронестеклу хлестнуло белым, и на секунду в кабине не осталось ничего, кроме этого света: ни камня, ни пламени, ни лиц. Анесса вжалась в спинку. Луис закрыл голову рукой и остался так.

Дальше хлопки покатились один за другим, слитно, пять или шесть одновременно.

Пещера была закрыта, воздуху деваться было некуда: на каждом хлопке его вспучивало и вбивало в стены, а сразу за этим выдирало обратно, к зеву, и вот этот откат был хуже удара. Диафрагму вжимало внутрь и тут же вытягивало наружу, как тряпку из горловины. Пятеро в задраенной кабине катили с открытыми ртами и всё равно глохли: перепонки держались на этом честном слове и отличной герметичности Шершня.

Пыль срывало со свода пластами и утягивало в темноту. Следом полетели горящие комки, налипшие на камень: их снимало и волокло к выходу вместе со всем прочим воздухом пещеры.

Тем, кто висел на своде, деваться было некуда. Тела тварей превратились в жижу, а кто смог – ломанулись на выход.

Ни охоты, ни стаи, ни осторожности. В горловине они спрессовались в пробку, и пробку эту вынесло наружу вместе с паром.

Раздался визг.

Картридж вылетел из зева боком, крутясь, ушёл на песок. Оттуда ещё хлопало: раз, ещё раз, глуше, дальше, ещё дальше. Белый хвост мотался по барханам, поднимал пыль, гас и вспыхивал заново, и с каждым разом всё это уходило от колонны.

В кабине никто не двигался. Грач всё ещё держал прожектор, направленный в пустой зев, и рука у него ходила.

Когда перед фарами опустело, Несса завела и вывела Шершень из зева на камень. Мотор она держала на самом малом, чтобы не гнать воду. Из-под морды парило, сносило вбок, к стене.

Свод над выездом был чистый. Ни одной. За всю дорогу от Вулканиса они не видели столько голого камня.

Грач выбрался первым, обошёл машину, присел на корточки, посветил лампой снизу. Под подошвами хрустело и разъезжалось, и он старался не смотреть, по чему идёт.

– Радиатор, – сказал он. – Заплатка тут не поможет, тут перепаивать.

Он поднял голову, посмотрел на чёрный зев, из которого валил дым.

– Пятьсот вёрст и радиатор. Дорого нам эта мошка встала.

Внутрь вошли не сразу. Гнать туда машину с рваным радиатором Мрак не стал: выждал, прошёл под козырёк сам, следом Грач. Ночевать в поле никто не предложил: то, что вылетело из камня, ушло именно туда.

Пещера встретила их духотой и жаром. Пироцелий выжег в замкнутом зале весь воздух; то, что осталось, лежало плотным, горячим, с привкусом палёного камня и жжёной дряни. От порога ещё дышалось. Чем глубже, тем сильнее давило на грудь. Первый же боец, дошедший до дальней стены, вернулся с серым лицом, сказал, что там нечем дышать вовсе.

Луис с хохмачом сняли с одной из машин нагнетатель, вывели его к самому входу, дали привод от крайнего грузовика, развёрнутого мордой в Пустошь, и поставили так, чтобы гнать наружный воздух в глубину. Вентилятор загудел ровно, потянул струю по залу. Стало легче, но только чуть: тяги хватало, чтобы шевелить эту гарь, а не выгнать её.

Жилину перетягивали руку у самого входа, ближе к свежему. Порез был неглубокий, но длинный, от запястья к локтю, и под бинтом сразу проступило. Рукав ему разрезать не стали, мотали поверх. Пальцы на этой руке он сгибал и разгибал. За узлом следил молча.

– Ты зачем их ловил-то? – спросил Грач.

– Трофей хотел, – беззлобно огрызнулся Вячеслав.

– Может, догоним?

Мужчины шутили, снимая стресс. Радиатор разложили тут же, у борта, подтащив лампу. Шов разошёлся на ладонь, по краю металл был вздут и обожжён. Пятак сел над ним с паяльной лампой сразу, как встали.

Жилин подошёл к Мраку, когда первые стрелки закрыли вход, а водители ещё ждали, разрешат ли им лечь. При людях говорить он не захотел, встал так, чтобы закрыть лидера спиной от зала.

– Половина в караул, – приказал караванщик. – Смена короткая.

– Не надо половину, – отозвался Вячеслав.

Мрак посмотрел на него снизу, от камня, на котором сидел.

– Дай людям поспать по-человечески, – негромко продолжил Жилин. – Сегодня мы прошли Грейвилл, сожгли человека, тащились до самой темноты, а теперь дышим этой дрянью. У каждого башка кругом. Поставишь полколонны в караул – завтра они руль на одной злости держать будут.

– И что ты предлагаешь?

– Пост у входа. Четверо, смена каждый час. Остальные спят.

– Мало.

– Мрак. – Жилин придержал перевязанную руку у груди. – Ты сам знаешь, как оно ночью. Выходит Ужас Ночи, и всё живое ложится и не дышит до утра.

– Раньше так и было.

– Что значит раньше? Днём я их видел, на тракте. А ночью как было, так и есть.

Мрак ответил не сразу, и Жилин за это время успел переложить руку удобнее.

– Ты когда последний раз стоял ночью?

Жилин переступил, помолчал.

– Давненько.

– Год назад под Гринхолдом было по-твоему: темнеет, всё живое замирает, тишина такая, что слышно, как песок сыплется. – Мрак говорил, глядя на чёрный проём. – А теперь ночью всё кишит.

– И что? Доедем, Мрак. Я и не такое водил.

– То, что земля под нами поменялась. На тракте ты их видел. А это середина Пустоши. Кто ходил по ночам – того, похоже, стало меньше, а тех, кто раньше сидел по норам, – больше. – Он кивнул на дым, ползущий из глубины. – Вот эта дрянь у тебя в бумагах есть?

– В бумагах Кодекса её нет, – отозвался Ноктир от нагнетателя.

Жилин сжал ремень здоровой рукой и разжал.

– То есть вы уже всё решили. Тогда зачем вы меня старпомом звали?

– Слава, не начинай, – панибратски ответил Мрак. – Ставь смены так, чтоб не падали. Это твоё.

Люди в глубине двигались медленно, дышали мелко, часто, и всё время ловили себя на том, что мысль плывёт. Разговаривать перестали совсем: на слово уходило больше воздуха, чем оно стоило.

Водитель третьей машины поднялся от колеса, пошёл к выходу. Шёл он ровно, в открытую, мимо поста, мимо стрелка, который окликнул его дважды, – туда, где был воздух. Караванщик поймал его за шиворот уже под козырьком, усадил на камень. Водитель не упирался и не сумел объяснить, куда шёл. Глаза у него были пустые и спокойные.

Жилин пришёл через минуту. Водителю он не сказал ничего. Посмотрел на него, на пост, который его пропустил, в темноту за козырьком, где кончался свет. Снял с поста обоих, поставил свежих. Голос он при этом не поднял ни разу.

– Одного лицом в зал. За своими смотреть тоже.

Снаружи темнота густела перед козырьком, и дальше дежурного света в ней уже ничего не читалось. Где-то в камнях коротко царапнуло и замерло, стрелки подняли оружие, а Вектор чуть довернул Стерву, только чтобы сектор лёг удобнее.

Глава 3
Тишка

Снаружи взвыли глотки.

К этому часу лагерь уже расселся. У заднего борта грели воду. Кто-то развязал спальник и расправлял его на камне, выгоняя складки. Обозный стянул сапог и разминал ступню, разглядывая содранное место с той внимательностью, с какой смотрят на свою беду, когда других бед на сегодня не осталось. Мрак ещё с вечера предупредил, что ночь будет тяжёлая, и это слышали все. Слышать и верить – разное: пещеру выжгли, камень был за спиной, машины стояли кругом, и по всему выходило, что худшее сегодня уже случилось.

Вой снял это разом.

Он пришёл отовсюду. Снизу, от осыпи, сверху, с гряды, и откуда-то из-за машин. У котла опустили кружку, не донеся до рта. Спальник так и остался лежать раскатанным до утра.

Колонну Жилин получил в руки почти сразу после того, как первые твари пошли к входу. Мрак подошёл вплотную, ткнул рукой в машины, в людей, в тёмный зал пещеры за спинами:

– Смены, вода, патроны, порядок. Твоё.

Вячеслав на секунду не понял, что ему отдали всю ночь целиком. Он ждал указаний, поправок, хотя бы слова о том, где ставить первую линию, – и не дождался: караванщик уже вздевал на локоть щит, тяжёлый, потёртый, с выбоинами по краю. Припадая на шаг, он шёл к правой стороне входа, где между каменной стеной и бортом крайней машины оставалась неудобная брешь.

Закрыть её нормально было нечем. Машину туда не загнать, листы ложились криво, выступ скалы мешал подать корпус плотнее. Мрак встал туда сам. Он упёр плечо, поставил ноги шире, стал частью заслона – живой пробкой в дыре, через которую Пустошь всю ночь пыталась просунуть зубы.

Жилин выдохнул и начал делить ночь на четверти часа. Левое предплечье, распоротое вечером тварью через форточку Шершня, теперь почти не гнулось: тряпка в два оборота, под ней всё стянуло и дёргало при каждом движении. Со штыком в такой руке он был не боец.

– Первая линия, слушать порядок смен! – Он клал слово за словом, будто вколачивал их в камень. – У щита и штыков стоите по четверти часа, не дольше. Отстоял – назад, к воде, отдышался – снова вперёд. Кого качает – не лезть в геройство, уходите за спины: воду носить, магазины набивать, подавать вперёд по руке. Патроны беречь: бьём по команде или если прорвало, и ни выстрелом раньше. Магазины считать вслух, хочу слышать, у кого сколько. – Он подождал, пока на него посмотрят все. – Дошло до каждого? Тогда работаем.

Люди двинулись рывками. Один побежал не в ту сторону, понял на середине и возвращался, обходя своих боком. У кого-то магазин выскользнул из мокрых пальцев, ушёл под колесо, и человек лёг животом на камень и шарил там рукой, пока не достал. Обозный, тот самый, со ступнёй, скакал на одной ноге, натягивая сапог на ходу.

– Куда мне?! – крикнули из темноты.

– Правый борт, третий от края!

– А мне?

– За водой. Потом ко мне.

Молодой стоял у машины и не двигался вовсе. Смотрел на вход и не двигался. Его толкнули в спину, он сделал два шага и встал опять. Жилин подошёл сам, взял его за ворот и поставил на место руками.

– Здесь. Смотришь туда. Всё.

Через полторы минуты линия стояла. Криво, тесно, кто-то не на своём месте, кого-то ещё двигали – но стояла. Каждый брал штык не глядя.

С воздухом получилось скверно. В глубине зала дышать было нечем совсем: гарь стояла там стеной, глушила свет фонарей до бурых пятен; человек за пару минут начинал плыть и ловить ртом воздух. Живым тянуло только у входа, где ночная Пустошь дышала холодом сквозь проём и где стоял, надсаживаясь, вентилятор. Туда, к этому глотку, людей и сносило весь бой. Оттуда же, из того же проёма, всю ночь лезли твари.

Там же пришлось класть и тех, кого свалила духота. Уносить их вглубь, в темноту, значило задушить, поэтому угол под самым проёмом освободили от ящиков, стелили прямо на камень. Уже лежали двое, на боку, хватая ртом воздух, а третий сидел, привалившись к стене, и не понимал, о чём его спрашивают.

Этот угол взял на себя Луис. Он не сидел с лежачими, ему было некогда: мотался вдоль бортов туда, где рвалось, всякий раз возвращался к проёму.

Если тварь проскакивала через щель или падала внутрь после слишком глубокого укола, Луис был там через секунду. Сеч работал без суеты: одним движением подрубить опорные лапы, вторым добить или развернуть под штыки. Люди привыкли к этому за первые же часы: заскребло под ногами – значит, сейчас придёт Ноктир.

Мрак почти не двигался. Он закрыл глаза и дышал – медленно, глубоко, до самого низа груди, длинно выпуская воздух обратно. Тело выучило это само, рейд за рейдом: когда стоять долго и без передышки, оно гасит всё лишнее, оставляет столько, сколько нужно. Смены ему не было. В этой бреши твари лезли хуже всего – боком, снизу, через узкий каменный зев, куда не подать сразу несколько стволов.

Он принимал накат плечом, щит уходил назад на ладонь, снова садился нижним краем в камень. Глаз он почти не открывал, берёг себя, держал мир на слух. Где-то на самом краю сознания оставался голос Грача.

– Слева ниже. Держу. Стой как стоишь.

По этому голосу он и правил щит: чуть влево, чуть ниже, прикрыть то, чего не видел сам. Всю свою слепую сторону, всю спину он отдал Грачу.

Три года Мрак знал Никиту как парня с лёгкой рукой и длинным языком; кем тот был на самом деле, чей он сын и откуда. А потом увидел его в бою в Депо. С той ночи караванщик не доверял так никому.

Раненая рука у Грача была в повязке, а работал он правой, одним коротким тяжёлым ножом: когда лапа цеплялась за край щита, отсекал сустав; когда чудовище пыталось вывернуться под ноги, бил сверху, точно, в основание шеи.

– Ай красиво. – Хохмач между делом обтирал нож о голенище. – Тебе бы так на въезде в Вулканис встать, за жетон с носа. Народ бы ходил смотреть.

Мрак не ответил. Стоять всю ночь и молчать – работа для головы, не для тела.

Три недели.

Дозу Несса приняла ещё в Вулканисе. Вторая, последняя, лежала у неё в нагрудном кармане: три недели до новой, месяц после – а к концу срока рейд обязан стоять у шлюза. Не успеют – умрёт, и погибать будет страшно.

Каждая такая ночь съедала сутки. Каждый пустой прохват съедал время. Мрак стоял в бреши, принимал плечом чужой вес, прикидывал дни.

Твари шли постоянным давлением, будто Пустошь нашла лазейку, решила терпеливо продавить её до утра. Основная работа шла штыками. Люди били вперёд коротко, без красивых замахов: ткнуть в морду, оттолкнуть лапу, вогнать сталь в мягкое под панцирем, выдернуть, пока тварь не повисла всем весом на стволе, шагнуть назад, дать соседу место, ударить снова.

Те, кого Жилин отвёл за спины, быстро смекнули: одними штыками первую линию не удержать.

Обозный, тот самый, со ступнёй, домотал проволоку зубами и ткнул черенком в спину переднему.

– Бери.

Тот отмахнулся плечом, не оборачиваясь: у него на штыке висело, и он выкручивал сталь из мягкого обеими руками.

– На, говорю. Длинная.

Передний выдрал штык, обернулся и увидел черенок от лопаты с примотанным к нему ножом.

– Это чего?

– Копьё.

– Это ж лопата!

– Теперь копьё. – Обозный быстрым шагом ушёл дальше.

По рукам пошли обрезки труб, черенки, обломки палок; к ним примотали тряпьём и проволокой ножи, штык-заготовки, всё, что нашлось острого, передали вперёд. Пика доставала туда, куда штык уже не тянулся; в темноте под днищами это решало.

Жилин метался вдоль заслона, выхватывал взглядом тех, кто начал проседать. Он менял людей, за шиворот выдёргивал назад одних, ставил других, совал флягу в зубы, крыл за длинные очереди и сам же подталкивал к стене тех, кто валился от усталости на ногах.

Один упёрся.

Жилин взял его за шиворот здоровой рукой и потянул, а тот подался назад одной ногой и оставил вторую там, где она стояла.

– Назад.

– Я стою.

– Ты качаешься.

– Я стою! – Он не смотрел на Жилина, он смотрел вперёд, и штык у него в руках ходил мелко, сам собой.

Жилин выдернул его рывком, толкнул за спины и поставил на освободившееся место первого, кто попался под руку.

– Воду носи. Через смену вернёшься.

Баржа стояла удачно: Стерва могла работать поверх крыш, не цепляя своих. Ближнюю щель тяжёлый ствол не брал, зато доставал дальние ряды на подходе к входу. Когда линия отходила на полшага, Вячеслав махал Вектору, и сверху шла злая очередь: в темноте за светом фар что-то рвалось, падало, кувыркалось, вся масса на несколько минут откатывалась от входа. Ровно столько времени, чтобы поменять уставших, подтянуть плиту и глотнуть воздуха у проёма.

Ночь пошла на убыль.

Тишка стоял у третьей машины и держался хорошо. Девятнадцать лет, младший в семье из шестерых детей; в рейд увязался за старшим братом, Коксом. Парень отстоял четверть часа, отошёл к воде, глотнул, вернулся, отстоял ещё.

Магазины он считал вслух, как было велено. Половина линии бросила это делать ещё в первый час, а он кричал в темноту честно: «Два!» – и один раз Жилин, пробегая мимо, хлопнул его по загривку, не сказав ни слова. Тишка полсмены держал спину прямее.

Магазин он уронил на четвёртой смене. Металл звякнул о камень, закатился под колесо.

Прикрывать парня в этот момент было некому. У проёма, где лежали задохшиеся, минуту назад прошла тварь: проскочила низом, между колесом и плитой, потекла к лежащим. Луис перехватил её в двух шагах от них, туда же кинулись двое ближайших из линии – вся правая половина заслона на несколько секунд смотрела в другую сторону.

Парень был усталый, оглохший от ночи; духота качала его сильнее прочих. Он потерял верх и низ, качнулся, запнулся о плиту и, вместо того чтобы отойти назад, потянулся за магазином вперёд, под самое днище. Просто хотел поднять его быстро, пока Жилин не заметил.

– Назад! – рявкнул кто-то.

Лапа вылетела из-под днища, похожая на щупальце с костяными крючьями на конце. Она обвилась вокруг плеча, дёрнула вниз, и Тишка исчез между колёсами так быстро, что ближайший стрелок успел схватить только воздух. Внизу лежали плиты, их толкали, прижимали, закладывали весь вечер, но твари подкопали ход снизу, дождались своего часа.

Крик оборвался почти сразу.

Хруст – нет.

Он шёл из-под днища без спешки, потому что торопиться там было некуда. И он не кончался. Люди на линии успели понять, что сам он не кончится, и с этой секунды слышали только его: вместо своих выстрелов, вместо воя снаружи, вместо команд.

Кокс был у второй машины, в пяти шагах.

Он перехватил штык и метнулся туда, отшвырнув плечом того, кто оказался на пути. В глазах не было ничего, кроме этой прямой линии.

Луис перехватил его на середине. Он поднялся от раненого одним движением, шагнул наперерез, коротко ударил Кокса под колено. Нога сложилась; пока тот падал, Ноктир уже заворачивал ему руку и вёл всем весом вниз, лицом в камень, коленом в лопатку. Всё заняло секунду. Он не сказал ни слова, ни «нельзя», ни «поздно», – просто держал.

А под днищем продолжался треск плоти и костей.

– Пусти, – сказал Кокс в камень.

Сказал тихо, почти вежливо, будто просил передать флягу.

– Пусти. Пусти. Пусти! ПУСТИ!

Он рванулся всем телом, поднял Луиса на спине почти до колен и снова просел. Свободной рукой он скрёб по камню, тянулся вперёд, к колесу, будто до него можно было добраться и там ещё что-нибудь исправить, и драл ногти о камень, пока они не пошли кровью.

– Там Тишка! Пусти, там же Тишка! Тишкаааа!

Он орал это в камень, и по лицу текло – от боли, физической и душевной.

Луис держал.

– Под машины! – Жилин сорвался в команду раньше, чем стих хруст. – Штыки вниз! Никто не лезет, слышите? Никто!

Тридцать восемь человек остались на своих местах, лицом наружу, и делали то, что им сказали: били штыками и пиками вниз, в темноту между колёсами, цепляли лапы, давили плитами, кололи туда, где шевелилось и хлюпало. Сеч прошёл снизу короткой дугой – из-под колёс дёрнулось длинное тело. Никто не отошёл. Никто не полез. И всё это время под днищем работали, а в трёх шагах кричал человек, которому не давали пойти к брату.

Молодой у третьей машины не выдержал первым. Он опустил ствол под колесо и высадил туда весь магазин одной длинной, не целясь, просто чтобы стало громче. Сосед выбил ствол из рук и придержал за плечо, пока тот не перестал трястись.

Мрак не повернулся. В эту минуту ударило всей массой, щит подало назад, и он вбил нижний край обратно в камень и принял накат плечом. Грач от него не отошёл ни на шаг. Двое самых злых людей в этой пещере простояли всё это в десяти шагах и не сделали ни одного движения.

Потом стало тихо.

И это оказалось хуже. Пока хрустело, там ещё что-то происходило.

Луис отпустил Кокса не сразу. Он подержал его ещё несколько секунд после тишины.

Доставать было нечего. Твари утащили Тишку под днище целиком, там разобрали; когда люди отогнали их и сунулись с фонарём, на камне остался один сапог, кровь, темнеющая по краям, и магазин у колеса.

Кокс поднялся сам. Обтёр лицо рукавом, размазав по нему пыль, копоть и кровь с ободранных пальцев. Подобрал штык, обтёр его о штанину. Встал обратно в линию, у второй машины.

До рассвета он не сказал никому ни слова.

С первыми бликами солнца твари стали подходить реже, между ударами появились длинные паузы, и наконец снаружи осталось только шевеление среди мёртвых тел. Серый свет вошёл в пещеру, показал, сколько их было: перед машинами лежали кучи разорванных туш, смятых, проткнутых, перемешанных с камнем и слизью, на щите Мрака висели куски мяса, броню машин ободрало до голого металла.

Мрак отошёл от бреши только после рассвета. Грач помог ему оторвать щит от камня. Нижний край заклинило между плитой и обломком. Караванщик выпрямился медленно: пальцы не сразу отпустили скобу щита, руки дрожали от долгого напряжения, правая нога за ночь в упоре затекла, почти не держала. Первый шаг он сделал тяжело, перенося вес на здоровую сторону, и только потом посмотрел на Жилина.

– Живы?

Вячеслав ответил не сразу. Он обвёл взглядом людей, машины, место у третьего колеса.

– Минус один. Тишку сожрали.

Вынул из-за пазухи лист, сложенный ввосьмеро, – развернул на колене и провёл черту по одной строке, рядом с первой. Ровно, как в путевом листе.

Мрак коротко наклонил голову. Всего один в такую ночь – почти подарок.

– Щит-то на видное место поставь. – Хохмач разглядывал налипшее на выбоины. – Пусть люди с утра полюбуются, чего мы тут наловили. И пожрать сварим.

Жилин стоял и понимал, что за всю ночь ни разу не оглянулся на караванщика. Двое простояли брешь без единой смены, а он про них просто забыл. Кольнуло второй раз, когда он нашёл глазами грузовик: у колеса сидел Кокс и, отвернувшись, курил, раскручивая в руке злосчастный магазин.

Мёртвых тварей оттаскивали от колёс крюками; за ночь они спеклись в один пласт, и их приходилось расцеплять. Лезли под днища – смотреть, не перегрызены ли шланги и тросы. Работали молча и быстро: всем хотелось поскорее выйти из этой норы.

Прощание вышло короткое, хоронить было нечего: от Тишки остался сапог, который никто не поднял. Люди собрались у третьей машины неровным полукругом, постояли, поглядели на тёмное пятно под колесом. Говорить никто не начал: слово над телом ещё худо-бедно ложится, а над пятном на камне не ложится никак.

Кокс вышел вперёд, вынул из кармана нож – самодельный, с наборной рукоятью из цветного пластика, какие вытачивают в Вулканисе всю зиму, слой за слоем, от нечего делать. Он подержал его в руке, взвесил, будто ещё решал, отдавать ли, и протянул Жилину.

– Не дойду – матери отдашь, – произнёс он. – Пятый барак, спросишь Кузнечиху, там покажут.

Жилин взял нож, сунул во внутренний карман, застегнул клапан, не сказав ни слова. Кокс повернулся, ушёл к машине, и на этом всё кончилось.

Совет собрали наспех, у самого входа, пока таскали туши. Пещера больше не казалась спасением.

– Мрак был прав. – Жилин заговорил первым. – Ещё пара таких ночей – и нам конец.

Никто не возразил. Он говорил не так, как вчера: без спеси и вызова.

– Нам повезло, – продолжил он. – А ночи такие теперь будут каждую. – Он оглядел людей и добавил чуть тише, глядя на Мрака: – Может, обсудим в тесноте? В машине.

Караванщик смотрел на восточную гряду, тёмную против низкого солнца.

– В поле нас разберут, – отозвался он.

Жилин наклонил голову. Своё дело он сделал – сказал, – и настаивать не стал.

Луис стянул перчатку, обтёр руку о бедро.

– Сколько ещё идти?

Анесса вытащила из-за пазухи блокнот на резинке, раскрыла на заложенной странице, хотя цифры держала в голове.

– От исходной точки до района, где надо искать Депо, – около двухсот пятидесяти на восток по одометру. Прошли семьдесят.

Жилин тихо выругался и тронул перевязанное предплечье.

– На таком плече один градус вбок – и пролетим со свистом, – бросил кто-то из водителей.

– Что значит градус? – спросил другой, стоявший ближе, чем следовало. – Там что, жарко?

Грач повернул голову на голос, не отнимая руки от груди.

– Градусами меряют и температуру, и карту, – пояснил он. – Не влезай.

По полукругу прошёл смешок, короткий и неровный, – первый за ночь. Люди сами обрадовались, что смеются, и тут же осеклись.

– Вы узнаете место? – спросил Луис.

Анесса ответила прежде, чем Мрак открыл рот:

– Выйдем близко – узнаю. Уйдём в сторону – можем искать долго. Пустошь там вся одинаковая, пока носом не упрёшься в нужный разлом.

– А можем упереться в похожий, – добавил Грач сухо. – Вот тогда будет совсем весело.

– Сколько ночей до района поиска? – спросил учёный.

Торговка повела карандашом по строке.

– Если идти хорошо – большую часть пройдём сегодня.

Анесса подняла глаза на караванщика. Тот наклонил голову, чтобы говорила прямо.

– Две ночи.

Мрак кивнул, посчитал. Две ночи до района. Потом поиск – от одного дня до недели, тут как ляжет, потому что искать они будут по дырявой памяти. Депо: вскрыть, осмотреть, поставить базу.

– Выходим через полчаса, – приказал он. – Идём весь световой день. Обед на ходу, из рук в руки, машины не глушим. Останавливаемся только под ночлег.

– Люди не спали, – заметил Жилин.

– Знаю.

– Я не спорю. – Вячеслав поднял руку. – Я говорю, чтоб ты знал: к вечеру они будут никакие. Значит, ночлег ищем раньше обычного, не в потёмках.

– Договор, – согласился караванщик.

Совет разошёлся. Анесса закрыла блокнот, стянула резинку, а глаза в этот момент были не на бумаге – они упёрлись в Мрака. Полчаса – после ночи, в которой никто не сомкнул глаз.

Караванщик гнал из-за Анессы. Он будет гнать и дальше, пока не загонит колонну совсем; однажды на этом кто-нибудь ляжет, и лягут ещё, и всё это будет её счёт.

Она сунула блокнот за пазуху, пошла к Шершню – заводить.

Глава 4
Высота

Вышли через полчаса, как Мрак и сказал. Колонна двинулась на восток. Первые километры дались легко: ровный щебень, пологий подъём, машины шли кучно. Ровное кончилось, опять пошёл камень.

Осыпи, длинные гряды, сухие русла с обрывистыми краями, которые приходилось брать наискось, по одной машине, на первой передаче. Колонна кренилась, скрежетала брюхом, буксовала на мелком щебне, вытягивалась в неровную цепь, снова собиралась.

Баржа отставала на каждом подъёме. Тяжёлая, высокая, с грузом, она бралась за уклон дольше всех, надсаживая мотор до воя; колонна то и дело замирала, поджидая её.

– Хвост, подтянись, – говорил Жилин в командирскую. – Хвост.

Он ехал теперь в грузовике посреди колонны, на привычном месте, откуда видно и вперёд, и назад; оттуда же он в бинокль читал гряды.

Кокс шёл вторым бортом. Утром его напарник спросил, будет ли тот есть, и ответа не дождался. К полудню в кабине с ним ехали молча, а когда на осыпи потребовалось выйти и подложить камни под задние колёса, Кокс выпрыгнул первым, сделал всё правильно, быстро и зло.

Стрелку на Барже во время перегона делать нечего: сектор пустой, гряды далеко, ствол давно вычищен. Бригитта выволокла из-под лавки ящик с железом, села к нему.

Она начала это в тот день, когда сожгли Тарха. Взяла старые однозарядные обрезы, из тех, что валялись в глубине трюма ещё со времён её прежней команды, стала развешивать их по всей Барже: у стоек, у ящиков, на внутренних скобах, у лестниц – так, чтобы откуда ни протяни руку, всегда достанешь. Под каждый гнула проволочный крюк, примеряла, перевешивала, поправляла угол, чтобы ствол не цеплялся за настил. Работы там было часа на два, а она возилась второй день.

Илья подошёл к ней в третий раз за утро.

– Давай подержу.

– Не надо.

– Тут вдвоём быстрее.

– Мне так удобнее. – Она даже не подняла головы, поймала следующий крюк и стала загибать. – Иди, у тебя сектор.

Он постоял ещё немного, глядя ей в затылок, вернулся к Стерве. Сектор был пустой, и оба это знали. За двое суток она сказала ему слов пятнадцать, и все – про железо. Ночью, когда он принёс ей воды, она приняла флягу из его рук, кивнула, отвернулась. Дело у неё находилось всегда: то короба, то крепления, то вот эти крюки. Илья видел, что дело настоящее, нужное, не придерёшься, и от этого было только хуже.

А Мрак гнал.

Он не подгонял никого голосом, просто держал ход на пределе того, что позволял камень, – колонна тянулась за ним. На обед встали ровно на столько, чтобы передать по рукам хлеб и флягу, не глуша моторов. Один раз Анесса, обходя валун, глянула на него сбоку, и караванщик поймал этот взгляд.

К четырём часам колонна прошла больше, чем за весь вчерашний день.

– Мрак. – Жилин говорил в канал, глядя назад вдоль колонны. – Второй борт ловит поворот с запозданием. Люди сыплются.

– Сколько до темноты?

– Часа два, тени уже длинные.

– Ищем.

Солнце покатилось к горизонту, вытянуло от каждой гряды длинную чёрную тень; камни стали чернее, воздух – плотнее и холоднее. Мрак высматривал глухую спину, узкий подход, что-нибудь, что позволяло держать одну сторону вместо четырёх. Плато шло ровное и голое во все стороны, и держать на нём было нечего.

Бригитта заметила полосу первой.

Сначала это была просто дрожь у самого горизонта, справа, там, где плато уходило в марево. Она смотрела назад и вбок по привычке. Всю жизнь сидела спиной к движению, чтобы пыль не убивала глаза. Дрожь держалась дольше, чем марево. Валькирия встала на колено, упёрлась локтями в щиток, прищурилась.

Полоса шевелилась. Она была низкая, тёмная и текла, как вода в жёлобе, – шла наперерез колонне, забирая вперёд. Внутри у Бригитты сделалось холодно и очень ясно.

– Бритвенники, – произнесла Бригитта в канал. – Много. Идут параллельно, забирают на нос.

Она не узнала свой голос: он вышел ниже обычного, спокойный и злой. Ей хотелось, чтобы они подошли ближе. Ей хотелось встать за ствол и палить, пока железо не поведёт.

Эфир на секунду задохнулся. Заговорили все. Кто-то переспросил, потребовал повторить, кто-то уже орал водителю, чтобы прибавил. Колонна дёрнулась – вся, целиком. Дистанции поплыли: второй борт сел третьему на хвост, обоз растянулся, хвостовой грузовик рванул и чуть не влез в осыпь.

В Пустоши мало слов, которые действуют так. Бритвенники ходили большой стаей, и та умела думать. Она обходила, отсекала, гнала на своих, ложилась в засаду; она брала форпосты.

– Держать строй! – рявкнул Жилин. – Дистанцию держать, куда полез, второй! Хвост, не рвать!

Мрак смотрел вперёд, на скалу. Она поднималась над плато в километре с небольшим: тёмный козырёк, под ним чёрный зев, тень, камень со всех сторон, кроме одной. Мысль заняла у него секунду, может, полторы.

Разворот. Уйти на юг, оторваться на камне, увести их в сторону и попробовать сбросить. Так делали, когда стая была сытой и шла по своим делам, – тогда она отставала. Ставить сорок человек на то, что эта стая сегодня сытая, караванщик не мог.

Значит, камень.

– Все за мной, – приказал он в канал. – Идём в зев под козырьком. Ход не сбрасывать, дистанцию не рвать. Кто встал – того забирают соседи, сам никто не выпрыгивает.

– Приняли, – отозвался Жилин.

Стая приняла гонку. Полоса на горизонте перестала быть ниткой: она распалась на точки, те вытянулись, стало видно, что твари идут связками, по три-четыре десятка. Они просто пошли быстрее, все, будто где-то повернули общий рычаг.

Кокс сидел вторым бортом и смотрел на них через боковое стекло, положив руку на рукоять. Он не боялся. Ему было почти всё равно, что будет с ним самим, – он поймал себя на этом ещё утром, когда курил у колеса, где утащили Тишку.

Но с ним самим одна история, а с рейдом другая: в Вулканисе, в пятом бараке, сидели мать, две сестры, двое мелких – и всё это держалось на том, чтобы рейд дошёл.

– Прибавь, – процедил он водителю. – Не жалей.

До скалы оставалось восемьсот метров.

Жилин смотрел на стаю в бинокль и не мог понять, что ему не нравится. Скорости он прикинул сразу: успевают. Не с запасом, но успевают. Твари шли ходко, но им было дальше: линия сходилась где-то за скалой, метрах в трёхстах позади зева, – то есть колонна должна была влететь под козырёк раньше.

Он смотрел ещё и наконец увидел: стая шла не на хвост колонны. Передний край бритвенников забирал вперёд и вправо, на тёмное пятно под скалой. Они шли к зеву. Твари правили на камень точно так же, как правили сейчас люди. Жилина проняло холодом.

– Мрак, – сказал он в командирскую. – Им не мы нужны. Им нужен наш камень. Тот же зев.

– Знаю.

– Мы влезем первыми, и они станут на нас лезть снаружи, терпимо. А влезут они – всё, это их нора. Выбивать бритвенников нечем.

Мрак ответил не сразу. Он понял это ещё две минуты назад, когда стая ушла с прямой погони, – понял и держал при себе.

– Значит, входим первыми. И встаём на пороге.

– Одними стволами порог не удержим, – возразил Жилин. – Их там сотня. Нужен огонь на входе. Скатите к зеву пару бочек, плесните масла и соляры полукругом, шире, чем кажется нужным. Они огня боятся по-настоящему, встанут и будут ходить вдоль, пока не выгорит. Нам хватит, чтоб втянуться и закрыться.

– Соляра почти на дне, – отозвалась Анесса, не отрывая глаз от камня.

– Тоже знаю, пекло!

– Огонь беру на себя, – произнёс Луис.

В канале стало тихо.

– Дайте мне несколько секунд у зева, – продолжил он. – Я вылью и подожгу. Мне нужен один человек с бочкой и никого больше под ногами.

– Луис, – бросил Мрак.

– Что? Никита ранен, я быстрее вас.

Это было всё объяснение, и его хватило. В рейде Ноктира поначалу держали за писаря при Кодексе. Караванщик знал цену этой картинке: Кодекс не посылал в Пустошь зевак, их учили драться раньше, чем читать. Быстрее и злее в рейде был один Грач, но у того левая висела в повязке.

– Давай, – усмехнулся Никита. – Только ты уж плесни как следует, а то знаю я тебя, нальёшь по науке, ровным слоем.

Мрак переключился на общий.

– Всем слушать. Идём в зев. Первыми входим мы, за нами по одному, интервал держать, не толпиться в горле. – Он помолчал секунду. – И второе. Нора может быть занята. Если стая шла туда, значит, там кто-то живёт. Заходим, будто внутри полно тварей: стволы вперёд, фары в глубину, никто не спрыгивает первым.

Эфир помолчал.

– То есть мы можем влететь прямо в пасть, – протянул кто-то из обоза.

– Можем, – подтвердил Мрак. – Или можем остаться в поле и кончиться наверняка. Выбирай.

Выбирать было не из чего, по колонне прошло движение: залязгали затворы, кто-то опустил стекло, водители подобрались.

До скалы оставалось пятьсот метров. Стая шла наперерез, и было уже видно, как под передними связками летит из-под лап каменная крошка.

Баржа шла последней и проигрывала. Она брала камень тяжело, оседая на кочках всем весом, на каждом бугре теряла те метры, которые остальные пролетали.

Вектор уже работал по переднему краю разрывными. Стерва била короткими, ствол вело, лента шла с натугой; снаряды ложились перед связками, поднимали каменную крошку, рвали песок и тела, сбивали общий рывок.

Стая проваливалась и собиралась снова. Она уже поняла, что медленная коробка с открытым верхом – это то, что можно взять; часть тварей отвалила от общего хода, потянулась за Баржей.

Бригитта чистила ближний край. Она снимала тех, кто выскакивал из пыли сбоку, сшибала быстрые тени у самых колёс, а один раз выстрелила почти вниз, когда бритвенник успел прыгнуть к борту.

– Всем вперёд. Ход не сбрасывать, никого не ждать. В зев.

Командирская молчала.

Жилин подождал, отпустил, нажал ещё раз, сказал то же самое – и она снова промолчала. Ни Мрака, ни Луиса, ни Грача. Возразить было нечего, а подтверждать никто не стал: каждый из троих уже посчитал то же самое и не захотел говорить это вслух.

Зато общий взорвался.

– Вектор! Там Вектор!

– Куда вперёд?! Там Баржа!

– И Брига!

– И водила наш! Слышите, наш водила там!

Голоса лезли друг на друга, кто-то жал тангенту, не дослушав, и рубил чужую фразу пополам, кто-то давил кнопку и просто дышал в неё. Никто не спорил с командой. Они просто называли по именам тех, кого оставляют.

– ВПЕРЁД, Я СКАЗАЛ! – Жилин заорал так, что голос сорвался и ушёл в хрип. – Иначе все тут подохнем! Все, слышите?! Ход не сбрасывать!

Эфир качнулся и заткнулся.

И тогда в него вошла Бригитта.

– Справимся.

Одно слово, почти ленивое, будто её спросили, хватит ли ленты до вечера. Она не просила и не прощалась.

Валькирия отпустила тангенту и вернулась к своему краю.

Машины рейда одна за другой уходили вперёд, к чёрному пятну под козырьком, а за кормой Баржи, широким полукругом, катилась стая.

И с полминуты всё шло хорошо.

Стерва работала, связки за кормой сбивались и отставали, Брига чистила ближний край, водитель нащупал ровное и прибавил. Отставали они от колонны прилично – но отставали живыми, и зев впереди рос быстрее, чем стая за спиной. Вектор поймал себя на том, что думает уже не про хвост, а про то, что будет через пару минут: как они войдут последними, как он останется у кормы прикрывать, пока все спрыгивают, и как надо будет найти воду и промыть глаза.

Зев рос впереди. И тут Вектор увидел главное. Он смотрел поверх кожуха, через пыль, на тёмный проём и верхний край каменного козырька. Глазомер сработал раньше мысли: высота входа была меньше, чем казалась издалека. Шершень проходил свободно. Грузовики проходили. Баржа с открытой площадкой и турельной рамой не проходила никак.

Несколько секунд он ещё надеялся, что ошибся. Померил заново – большим пальцем на вытянутой руке, по козырьку и по раме, – и понял, что нет ошибки.

– Брига! Не пролезем!

Она обернулась, не отпуская сектор.

– Чего?

– Высота! Козырёк срежет нам верх, застрянем!

Он потянулся к тангенте и не нажал.

Развернуть колонну значило положить всех: на голом плато, без камня, с сорока вымотанными людьми они не отбились бы и часа. А Брига уже сказала за них двоих, и слово это было сказано в открытый эфир.

Останавливаться было нельзя тоже. Сбросит водитель ход – стая прыгнет на борт раньше, чем они снова разгонятся. Оставалось одно: сажать машину ниже прямо на ходу, ставить ограничители на пружины, пока подвеска играет на камнях, и выиграть те двадцать сантиметров, которых не хватало.

Вектор бросился к ящику с крепежом. Баржу трясло так, что настил уходил из-под ног; он рванул крышку, схватил стопор – тяжёлую скобу с пружинной защёлкой, рассчитанную на спокойную ремонтную остановку, на ровную площадку и две свободные руки.

Бригитта уже стояла рядом, держась за стойку.

– Дай.

– Там колёса.

– Дай сюда!

Она вырвала скобу у него из рук, перехватила левой. Спорить он не стал – это заняло у него полсекунды: она была сильнее, цепче и однажды уже сидела под днищем на ходу. А главное, снимать его от стволов было нельзя. Он стрелял лучше всех в этом рейде, и оба они знали, что если Стерва замолчит на две минуты, то стопоры уже никому не понадобятся.

Сначала она метнулась вперёд, к кабине, вбила кулаком в железо у водительского плеча.

– Слушай сюда! – крикнула она в щель, перекрывая мотор. – Я ставлю эти хреновины, по одному на колесо. После каждого машину будет вести в сторону, и руль станет тяжелее. Ход не сбрасывай, что бы ни услышал. Если я закричу – всё равно не сбрасывай.

Водитель, не оборачиваясь, поднял руку: понял.

– И держи ровно, – добавила она.

Он снова поднял руку.

Брига пошла вниз по живой машине: Баржа прыгала, кренилась, задним краем ловила камни, настил бил в подошвы. Валькирия держалась правой за скобу на борту, левой волокла стопор. Правую она берегла всегда, даже теперь, когда под ней ходила броня, а сзади скребли лапы. Всё, что было у неё впереди, она давно уложила в одну простую мысль: пока есть правая рука, она стрелок. Без правой она никто.

С Баржи было видно, как под козырёк уходит последняя машина рейда.

Она нырнула в чёрное пятно и пропала, будто камень её проглотил, и вместе с ней с плато исчезли фары, пыль, движение – всё, кроме одной тяжёлой коробки, которая шла к скале одна, с висящим на корме хвостом.

Первая тварь перевалилась через задний борт.

Илья схватил ближайший однозарядный обрез с крюка у стойки, выстрелил почти в упор – бритвенника вышвырнуло за борт вместе с ошмётками настила, – бросил пустую железку под ноги, сорвал второй.

Обрез оказался под рукой там, где Вектор его даже не искал: просто протянул руку вбок – там висело железо. И вот тут его наконец догнало, зачем валькирия вторые сутки не отходила от этих крюков.

Он выстрелил во вторую тварь, лезшую к левому борту, – туда, где Бригитта уже сползала к первому колесу. Внизу всё ходило ходуном. Пружина сжималась на каждой кочке и тут же распрямлялась; вставить ограничитель можно было только в короткую долю секунды, когда колесо налетает на камень, а виток проседает. Брига лежала на боку, зацепившись коленом за выступ, и ловила эту долю.

Колесо вскочило на камень. Пружина села. Валькирия вогнала стопор в паз, и замок щёлкнул.

– Есть!

Угол машины просел. Баржа сразу пошла жёстче, стала отдавать в руль каждым камнем. Водитель, не сказавший за всю гонку ни слова, только перехватил баранку удобнее.

Вектор дал короткую по переднему краю, снял третий обрез, ударил в тварь, которая тащила лапу через борт, и снова метнулся к пулемёту. Ещё одна лезла с правой стороны, там, где пыль и дым скрывали её до последнего; он всадил ей заряд в морду, а когда та всё равно зацепилась лапой за настил и стала подтягиваться, наступил ей на конечность, бил прикладом пустого обреза сверху вниз, пока не отвалилась.

Он мотался по кругу: Стерва, обрез, личный ствол, снова обрез, пулемёт – и каждый раз, поворачиваясь, искал глазами Бригу: ниже борта, почти на боку, в пыли и тряске, в полуметре от колеса.

Второй стопор встал тяжелее: машина уже шла ниже с одной стороны, кренилась, Бригитту тянуло вниз. Она вжалась плечом в борт, дождалась кочки, добила замок пинком ноги.

– Второй!

До зева оставалось триста метров. Теперь тварей было видно поштучно: связка справа шла в двадцати шагах от заднего борта, не отставая, будто ждала, когда машина сама сделает ошибку. Впереди, у входа, суетились: кто-то катил бочку, кто-то оттаскивал ящики; в этой суете Вектор на секунду разглядел Луиса, стоящего на самом пороге спиной к пещере, лицом к ним.

Третий дался хуже. Бригитта добралась до колеса со стороны гряды, где камень бил чаще, а зазор между бортом и землёй прыгал перед глазами. Стопор дважды срывался. Водитель поймал крупный камень, подвеска села глубже обычного – Брига вбила скобу до упора.

– Ещё один!

– Сто пятьдесят! – крикнул Вектор вниз, сам не зная, зачем считает вслух. – Брига, сто пятьдесят!

Она поползла к последнему колесу.

Сто пятьдесят метров – это меньше двадцати секунд хода. Вектор поймал ремень Стервы, прикидывая, что успеет дать ещё одну по хвосту, прежде чем валить ствол.

Впереди встала стена огня.

Она поднялась разом, поперёк всего входа, жёлтая и дымная, в человеческий рост, – и чёрное пятно исчезло за ней. Не стало ни проёма, ни стен, ни козырька. Осталась горящая полоса и дым, который тянуло вверх и разворачивало под камнем.

Луис поджёг раньше, чем собирался, и Вектор понял почему: связки тварей шли уже вплотную к корме, и подпусти их к горлу – они войдут внутрь вместе с машиной. Всё правильно. Всё по уму.

И тем же решением Ноктир срезал водителю взор.

Пятнадцать тонн шли теперь на дыру, которой не было видно. Сверху в ней оставалась ладонь, по бортам ладонь, и целиться в неё человеку в кабине предстояло по памяти, сквозь пламя и дым, на полном ходу.

Пружина у последнего колеса ходила часто и коротко: камень перед зевом стал рваным. Руки у Бригитты были в крови от сорванной кожи, ногти забились пылью, левое плечо дрожало от напряжения. Она видела только металл, камень под колесом и узкий зазор, открывающийся на долю секунды. Ни огня, ни стаи, ни того, что творилось впереди, она не видела вовсе.

Колесо налетело на выступ. Пружина согнулась. Брига сунула стопор в паз.

Скоба вошла – и в ту же долю колесо соскочило с камня, пружина ударила обратно, быстрее, чем валькирия успела убрать руку.

Хруст был короткий.

Боль пришла не сразу, белая и оглушающая. Бригитта, услышав себя со стороны, поняла, что не закричала. Пальцы левой были в пазу, стопор стоял на месте, но замок ещё не защёлкнулся до конца: отпусти сейчас – скоба выскочит, и всё, что было до этого, окажется зря.

Она додавила её ладонью. Только потом выдернула руку и прижала кисть к себе. На безымянном не хватало фаланги.

– Четвёртый, – выдохнула она, и никто её не услышал.

Последний бритвенник зашёл с правого борта.

Он лез по тому самому колесу, которое она только что посадила: снизу вверх, боком, цепляясь за раму и за жгуты, и до её ноги ему оставалось меньше вытянутой руки. Вектор снял его почти в упор, последним заряженным обрезом. Тварь сорвало вниз, под ту же скобу, и утащило под днище вместе с камнем; отдачей ствол вырвало и приложило горячим цевьём по правому уху. Ожога Илья не почувствовал вовсе.

Стволы он свалил в те же секунды. Машина шла ниже на ладонь, но турельная рама всё равно проходила впритирку, а над рамой торчала Стерва. Он рванул стопор крепления, завалил тяжёлый ствол вниз и вбок, вдоль настила, следом сдёрнул с кронштейна второй пулемёт и утащил под борт. Козырёк срезал бы обоих начисто.

И только тогда он увидел, что валькирия всё ещё снаружи.

Брига висела на борту, зацепившись правой за скобу, левую прижав к груди. Всё, что можно было сделать руками, она руками уже сделала, и рук у неё больше не осталось: на одной здоровой она бы не подтянулась.

До стены было метров двадцать.

Илья бросил обрез и пошёл к борту.

Он поймал её за ремень и за плечо, упёрся коленом в кромку и рванул вверх, на себя, всем телом – так, что сам едва не ушёл через борт следом. Бригитта перевалилась через край, ударилась бедром о настил, и они оба повалились на железо.

Встать они уже не успевали.

Козырёк срезал бы всё, что торчит выше рамы, оба остались лежать там, куда упали, вжавшись в настил.

Брига лежала на нём поперёк, лицом к лицу. Здоровой рукой она вцепилась ему в воротник; разбитая кисть была зажата между ними и упиралась ему в грудь.

Всё, что они могли, они уже сделали. Дальше решал человек в кабине, который не видел, куда едет.

Попадёт – они внутри. Промахнётся – рама встанет в камень на полном ходу, пятнадцать тонн сложатся в горловине, а их двоих срежет тем самым козырьком, под который они лезли. А если не срежет, а только переломает, доедят снаружи: стая шла в двадцати шагах за кормой, и подниматься к ним будет уже некому.

А в норе к этой минуте успело случиться многое.

Внутрь рейд влетел на скорости и по одному, интервалом, как и было сказано.

Фары резанули по стенам, стволы качнулись в глубину, первые спрыгнувшие рассыпались вдоль борта, готовые встретить всё, что там жило. Нора оказалась пуста. Кругом валялся наволоченный хлам – обрывки проводов, битое стекло, сухие куски чьих-то тел и свежие, ещё липкие, – но хозяев не было: стая ушла на ночь, оставила логово людям.

– Пусто! – крикнули из глубины. – Чисто!

И вот тут они выдохнули.

Кто-то заржал в голос, кто-то хлопнул по броне, кто-то сел прямо на камень и стянул шлем, не дожидаясь команды. Над головой был камень – после голого плато это было почти как дом. Пожилой обозный заметил, ни к кому не обращаясь, что тут и заночевать можно по-человечески.

Секунд пять они правда верили, что доехали.

Кто-то обернулся к выходу.

Машины загнали внутрь, поставили дугой, носами к выходу.

Дрались снаружи, перед входом. Иначе не выходило: из зева простреливался узкий клин; всё, что подходило сбоку, вдоль скалы, оставалось для него мёртвой зоной. Пусти стаю к самому камню, дай ей набиться в эту зону – и она полезет через головы прямо в проём. Поэтому цепь встала полукругом перед входом, метрах в двадцати, спиной к пещере: стрелки на колене, за ними подающие с патронами, за ними бочки и Луис.

Из зева работал пулемёт с головного грузовика – единственный ствол, который бил быстро и далеко. Он резал передний край, куда доставал, молчал всякий раз, когда на линию выходила Баржа.

Передовые связки докатились через минуту. Дальше стало не до счёта. Твари шли по три-четыре, накатывали короткими рывками, пробовали цепь то слева, то справа, откатывались и заходили снова. Люди били сериями, экономя, кто-то уже орал, что у него клинит, кому-то в этот момент кидали чужой ствол через голову.

– Правый край, ниже бей! Они низом идут, низом!

– Второй, ленту!

Мрак стоял в середине цепи, там, где скала подходила ближе всего и где связки лезли чаще. Щит он упёр нижним краем в камень и держал левым плечом, а правой работал из револьвера – бил в упор, по одной, туда, где мелькала башка.

Анессу задвинули за камень в трёх шагах позади цепи; она не лезла: в бою от неё толку не было. Оттуда ей была видна вся картина – цепь у входа, дым, летящая по плато Баржа и человек, свесившийся за её борт у самых скатов.

– Высота, пекло, – прорычал рядом караванщик, не отрывая глаз от Баржи. – Под козырёк не лезет. Они её сажают на ходу.

Мрак сказал это глухо. Говорить иначе не умел. Внутри у него в эту секунду не осталось ничего, кроме одного простого факта.

Он не померил вход.

Он выбрал этот камень. Он посмотрел на него полторы секунды и сказал в канал «идём в зев под козырьком», и почти сорок человек пошли туда, потому что сказал он. Он видел тень, глухую спину, одну открытую сторону вместо четырёх, считал, скольких это спасёт, – и ни разу, ни глазом, ни пальцем не примерил высоту проёма к своим машинам.

Померил парень. С трёхсот метров, с прыгающего настила, большим пальцем на вытянутой руке.

Мрак стал оглядываться.

Он делал это рывками, дико, поверх кромки щита, между двумя накатами, и искал одно: свободного. Одного человека. Одну машину. Двоих с тросом, стрелка с гранатомётом, кого угодно, кто может сейчас выйти на плато и снять с Баржи хвост.

Правый край держали вчетвером и не успевали. Левый, у самой скалы, бил в упор, и там уже кричали про ленту. Из зева работал единственный быстрый ствол. У бочек стоял Луис с запалом, и снять оттуда Ноктира значило остаться без огня. Машины стояли дугой носами наружу, и любая, что сдала бы назад, заткнула бы горло, в котором стояли свои.

Свободных не было. Ни одного. Снять человека значило открыть в полукруге дыру, в которую тут же пойдут.

Он посчитал это за две секунды и всё равно оглянулся ещё раз, и ещё, будто кто-то мог появиться между двумя ударами сердца.

Опять. Мрак снова подставил Вектора.

Караванщик шагнул вперёд.

Полшага, не больше. Щит поехал с ним, нижний край выскочил из камня, и в открывшуюся щель попыталось сунуться что-то серое.

– Стой как стоишь.

Грач сказал это справа, не поворачивая головы, тем коротким голосом, каким всю ночь правил ему щит в бреши.

Караванщик поставил щит обратно, вбил нижний край в камень и выстрелил в серое, в упор.

Кокс дрался на левом краю и лез вперёд. Он выходил из цепи на шаг, потом на два, встречал связку раньше всех и бил в неё, пока остальные ещё только ловили в прицел. Это выглядело как храбрость: первые пару раз ему даже крикнули «молодец», а сосед справа увидел, как он поднимается в полный рост под накатом, и всё понял.

– Куда! – Грач поймал его за ремень здоровой рукой и рванул назад с такой силой, что Кокс сел. – Сидеть, я сказал! Ты дыру откроешь.

Кокс поднялся на колено, снова стал стрелять – вперёд, зло, – но из цепи больше не выходил.

Баржа шла на них.

Она уже осела на два угла, потом на три, и по тому, как она проседала, стало ясно, что теперь она либо влезет, либо нет, и сделать с этим больше ничего нельзя.

Ноктир стоял с запалом у выкаченных бочек и считал метры. Красиво было бы дать машине пересечь черту и запалить прямо за её кормой, отсекая погоню, но так не выходило.

– Все внутрь! – крикнул он и чиркнул запалом. – Цепь, в зев, живо!

Огонь взялся жадно, побежал по маслу и последней соляре широкой дугой, встал стеной в человеческий рост поперёк входа.

Цепь людей ломанулась назад: кто-то побежал, кого-то тащили, у бочки столкнулись двое; Жилин, стоя в самом проёме, выдёргивал их по одному внутрь, за шиворот.

Кокс не пошёл. Он остался на левом краю, на колене, продолжал бить в накатывающую связку, и Грач, уже отступивший, вернулся, сгрёб его сзади, поволок, а Кокс упирался и ругался в голос.

Мрак уходил последним. Он пятился, прикрывая тех, кто ещё бежал, принимал на щит то, что доставало, и стрелял поверх кромки; за огненной чертой уже мелькали лапы.

Горло закрылось.

Огонь стоял поперёк входа сплошной жёлтой стеной, дым уходил вверх, под козырёк, и лизал камень. Люди сидели в горле, и никто не сказал ни слова.

Жилин стоял в самом проёме и смотрел на этот огонь со своей стороны.

Баржа вошла в пекло.

Жар навалился отовсюду: снизу, из-под днища, где горело разлитое масло, сверху, где дым разворачивало под камнем, и по бортам. Дышать стало нечем. Бригитта уткнулась лбом в скулу Ильи, он свободной рукой прижал её затылок к себе, и в эти секунды не было видно вообще ничего – ни зева, ни неба, ни настила в двух шагах, только рыжее и чёрное.

Рама чиркнула по камню в ладони над ними.

Сноп искр пронесло назад, по их спинам, по волосам; что-то с треском сорвало, лопнуло заднее крепление, машину дёрнуло и повело, борта заскрежетали о стены с обеих сторон. Пятнадцать тонн протаскивало внутрь на два корпуса, и всё это время камень был в ладони над ними и шёл, шёл.

Всё встало.

Баржа села намертво, перекосившись: нос и половина корпуса в пещере, корма снаружи, поперёк всей горловины.

Стало тихо.

Бригитта подняла голову. Над ними висел свод – чёрный, в потёках копоти, уже в полуметре.

– Прошли.

– Что?

– Прошли, говорю.

– Приехали, – буркнул из кабины водитель, ни к кому не обращаясь.

Никто это не планировал. Баржу просто затащило туда – пятнадцать тонн железа заткнули горло лучше любых ворот. Снаружи стая налетела на огонь и встала: самые прыткие сунулись следом и отпрянули от жара.

Жилин прошёл вдоль людей, считая головы, дошёл до конца и пересчитал ещё раз.

– Все, – выдохнул он. – Все внутри.

И вот тогда, не раньше, пещера заорала в ликовании.

Мрак прошёл вдоль засевшей Баржи, провёл ладонью по вспученному листу там, где её заклинило между стенами, и остановился у кормы, за которой скреблось и щёлкало по железу.

– Держит.

Больше он ничего не добавил. С полчаса всё стояло на этой пробке да на огне: снаружи шли та же морока и та же злость – щёлканье, скрежет, вой стаи, которая чуяла мясо за железом и не могла достать.

Никита распоряжался у кормы. Без своих «эй» и «чего», взрослым голосом он показывал, куда совать железный лист, где камень не удержит и какую щель заложить первой. Его слушались без разговоров, хотя половина этих людей была вдвое старше.

Медиком в рейде был один из караванщиков – сухой мужик, привыкший смотреть сперва на кровь, потом на лицо. Он усадил Бригитту на ящик, развернул кисть к свету, хмыкнул. Фаланги как не бывало. Пружина срезала её чисто и зло, крови натекло много, но кисть работала, остальные пальцы слушались.

Первым делом валькирия посмотрела не туда, куда смотрел он. Она подняла правую, повернула её к лампе, растопырила пальцы, сжала в кулак и разжала. Всё ходило. Ладонь ободрана, ноготь сорван, а пальцы слушались, все пять.

– Порядок. – Она опустила руку.

– Тебе бы на левую поглядеть, – заметил медик.

– Плевать.

Он промыл, зажал, перевязал плотно. Она дёрнулась один раз, когда жидкость вошла под рваный край.

– Нормально всё. – Медик хлопнул её по запястью выше бинта. – Не головы же лишилась.

– Считай, повезло, – отозвалась Бригитта.

Для рейдера потерять кусок пальца – удача, особенно левого, особенно после гонки, стаи и стопоров на ходу. Вокруг так и восприняли: подошёл один, сказал, что теперь она будет считать до девяти, подошёл второй, спросил, где фаланга, – может, поискать в пазу, приделать обратно; кто-то заржал.

Вектор стоял над медиком и мешал. Когда бинт затянули, Брига подняла голову, посмотрела на Илью так, как не смотрела двое суток. Всё, что стояло между ними с самого костра, никуда не делось – просто отодвинулось, придавленное тем, что было последние двадцать минут: он вытащил её за ремень из-под колёс, она посадила машину, в которой он ехал, и оба они сейчас дышали.

– Ухо.

– Что?

– Ухо у тебя. Обжёг.

Она потянулась, потрогала его ухо здоровой рукой, коротко, но не так, как трогают ожог. Илья замер.

– Пойдём, – бросила Бригитта. – Пулемёты проверим.

– Зачем?

– Пойдём, говорю.

Кокс сидел у самой Баржи, там, где смятый борт входил в камень, спиной к железу, за которым весь вечер скреблось, и курил. Когда его позвали к котлу, он не отозвался.

Илья вернулся к Стерве сильно позже, чем собирался.

Ствол он завалил на ходу и с тех пор не поднимал: лента лежала в коробе перекошенная, кожух был в саже, и всё это следовало разобрать ещё часа три назад.

По дороге ему попался Жилин: сидел на ящике у стены, разложив на коленях лист рейда – сорок подписей и две черты, – и ничего в нём не менял, только водил карандашом по второй, снова и снова, пока не прошёл бумагу насквозь. В другой руке был медный овал на шнурке; большой палец ходил по его кромке.

– Вовремя жгли. – Илья остановился. – Позже – и нас бы вместе с ними внесло.

Жилин поднял голову.

– Иди отдыхай, завтра трудный день.

Глава 5
Тупняк

Ночь за Баржей спали плохо.

Костров не жгли. Нора была глухая, дышала одними щелями, и они давали ровно столько, чтобы народ не задохнулся, и ни каплей больше. Заряд аккумуляторов Жилин трогать запретил, так и сидели – в темноте, на своих мешках, с одной коптилкой у раненых, чтоб согреть воды и проварить бинты.

Часов до двух снаружи жрали друг друга. Это шло без перерыва: хрип, треск, короткий визг, возня, опять возня. Что там кого доедало, не видел никто. Слышно было только, что их много и что им «весело».

И всё это время Баржу пробовали на зуб. Походя, между делом: кто-то тёрся о корму, кто-то на ходу бил по броне лапой, кто-то повисал на торчащем креплении и срывался, обдирая когтями краску. Раз десять за ночь по железу проходило так, что в норе поднимали головы.

Под днище с вечера загнали листы брони, снятые с бортов. Помнили Тишку. Загнали плотно, в распор, забили щели клиньями, обстучали обухом. Вышло условно надёжно.

Но часа в два возню как отрезало: посреди чьего-то хрипа, на полузвуке. Минуту нора слушала эту пустоту.

Потом пришёл смрад.

Он вошёл через щели густой тёплой волной: старая плоть, подгорающая на углях. Кто-то закашлялся и тут же зажал себе рот, вдавив звук обратно в горло. А следом все услышали дыхание.

Спутать его было нельзя – тяжёлое, сырое, натужное, будто из груди выталкивали пары гнилой воды. Оно шло от кормы и было так близко, что люди в двадцати шагах перестали дышать сами.

Тук-тук.

Пауза.

Тук-тук.

Илья понял по людям: все вокруг перестали двигаться. Достало и его – запах. За барханом, в ту ночь, был такой же.

Мрака он нашёл в темноте на ощупь, по бортам и чужим коленям. Опустился рядом, слева, наклонился близко.

– Я его знаю, – прошептал он. – Оно приходило. Когда ты лежал в броневике после Грей-вилла.

Старший брат повернул к нему голову.

– Ты был в отключке, в грузовом. Я сидел с винтовкой. Сперва один бил в борт и обнюхивал замок. Потом лезли по крыше и откусили антенну. А после пришло вот это.

– И?

– Стояло. До утра. Просто стояло за дверью и дышало.

Мрак помолчал.

– Значит, не свалит, тьма.

Существо простояло до четырёх. Два часа за кормой дышал кто-то большой, и вся нора сидела в темноте и слушала, как у него в груди ходит мокрое полотенце – на вдохе и на выдохе, без единого сбоя. А потом оно ударило.

Один раз, да так, что отозвалась вся нора, от кормы до дальней стены. Со свода сорвало пыль. Кружка на ящике подпрыгнула и упала. Пятнадцать тонн железа, заклинившие горло, ушли в камень ещё на сантиметр глубже.

Тех, кто урывками дремал, снесло с мешков от ужаса. Люди уже стояли на ногах, со стволами, лицом к корме, и ждали второго удара.

Смрад держался ещё с полчаса, стал приходить толчками и под конец отпустил совсем. К свету снаружи стояла тишина.

– Двадцать лет в Пустоши, – произнёс в темноту Самоха. – Я не слыхал, чтоб кто-то жрал бритвенника. И отец мой не слыхал.

– Теперь не только слыхал, но и видал, – отозвался хохмач.

Мрак ждать не стал. Баржу выпихнули из горла, едва серости хватило, чтобы различать камень, – и тут же полезли под неё с домкратом.

Заднее левое на Барже распороло, ещё когда её протаскивало внутрь, о тот же входной камень; за ночь колесо село на обод и разъехалось резиной по щебню чёрными лохмами. Ждать полного света караванщик не дал: солнце наверху – это открытый горизонт и потерянные часы.

Выгнали машины, встали в охранения и принялись за ремонт.

Торговка обошла бочки с фонарём и записала в блокнот одну строчку. Соляры не осталось совсем: ту, что была на дне, под ноги стае. Огненный полукруг у входа сработал один раз.

Верста разносил работающим воду, держа бачок на отлёте, чтобы не било по колену. Он был высокий, длинный в кости, оттого и позывной, ходил с ленцой, через дышло прицепа перешагивал не глядя, одним махом.

Работали шестеро. Пятак, механик обозной смены, невысокий, с кривыми от постоянного сидения на корточках ногами, поставил винтовой домкрат под задний угол рамы, а под домкрат – стальную подложку: под колёсами лежал сплошной битый щебень, без неё винт уходил, как ложка в кашу.

Место шло под уклон едва заметно, на ладонь на сто шагов, клонило назад, под корму, но уставшие люди этого не заметили. Пятак выудил из ящика два деревянных башмака, обитых по грани железом, обошёл машину, вогнал один сзади под переднее правое – с той стороны, куда её могло повести.

Второй он держал в руке, когда его отвлекли.

– Э, технарь, – окликнули его с обоза, – у меня тут кипит что-то.

– Не трогай, – бросился Пятак, – морду себе обваришь!

Второй башмак был брошен недалеко от Баржи. А Верста донёс воду и сюда. Поставил бачок на камень, повесил кружку на край, подождал, пока Пятак напьётся, и пошёл обратно – вдоль борта, мимо домкратного угла, тем же путём, каким за эту ночь ходил раз двадцать.

Ничего особого не случилось: просто один из шестерых полез на настил за инструментом – взялся за скобу, поставил ногу на ступицу, подтянулся всем весом.

И в ту же секунду Версту повело.

Щебень под подошвой поехал – мелкий, катучий, – и человек, третьи сутки не спавший, ноги не удержал. Его качнуло к машине. Он шагнул, чтобы не упасть, и поставил ступню в зазор между рамой и грунтом, на каменный гребень.

Стальная подложка, понемногу садившаяся в щебень под пятнадцатью тоннами, качнулась и ушла вбок; машину повело назад по уклону, едва-едва, на ладонь: переднее правое стояло на башмаке, а второе не стояло ни на чём. Винт соскользнул с края подложки с коротким железным взвизгом, и вся задняя часть рухнула.

Голень прижало поперечиной рамы, всей её длиной, к тому самому гребню, на который он и наступил.

Сначала он не кричал. Секунды три Верста только тянул воздух ртом, коротко и часто; за эти три секунды люди успели вскочить и добежать. Потом он заорал, и крик разошёлся в обе стороны: в нору, где ударился о свод и вернулся сверху, и в открытое, где ему не от чего было отразиться.

Домкрат под раму больше не лез: машина села, зазора не было.

Пятак сунулся туда дважды, разбил себе костяшки, его отодвинули.

– Буря! Ломы! – заорал Жилин от кузова. – Трубу от стрелы!

– Камень! Камень под лом катите!

– Не сюда. – Голос Пятака был чужой. – Ниже клади. Под самую поперечину.

Подсунули лом в щель между рамой и грунтом, второй рядом, третий с другой стороны, навалились все разом.

Первый раз сорвалось. Лом скользнул по железу, кто-то упал на щебень, машина села обратно на четверть пальца, и Верста заорал так, что двое отпустили. «Прах!» – рявкнул на них Мрак, они взялись снова.

Он был у головы: опустился на колени, выставив правую ногу вбок, чтобы не сгибать её, вдавил Версте плечи в грунт, налёг всем весом.

– Не дёргайся, – выдохнул он ему в лицо. – Эй! Не дёргайся.

– Сними-и-ите! – Верста рвался под его руками, скрёб щебень, выгибался в пояснице. – Снимите её!

– Снимают. Работают.

– Быстрее! Ну быстре-е-е!

– Быстрее нельзя, – сказал Мрак.

– Быстрее нельзя, – повторил Пятак снизу, из-под борта, тем, кто держал ломы. – Рванём – сорвётся.

Костоправ пришёл на крик, встал на колени с другой стороны и первым делом перехватил за плечо того, кто уже тянул Версту под мышки.

– Убери руки.

– Так он же…

– Гарь! Ногу отрежешь, убери!

Дальше Верста кричал уже без слов.

– По счёту, – скомандовал Пятак. – Взяли!

Грач лёг на живот у колеса, здоровой рукой подтащив к себе стальную подложку из-под домкрата.

– Раз, – считал Пятак. – Два. Взяли!

Железо пошло.

– Раз, два. Взяли!

Шло медленно, с натугой, отыгрывая назад на каждом перехвате. Хрустел щебень под камнем-опорой, лом в чьих-то руках выгибало, кто-то хрипел сквозь зубы, кто-то упёрся спиной в борт и толкал ногами. Рама поднялась на палец. Ещё на палец.

– Держим! Держим, пекло, не сдавай!

– Ещё чуть! Лезь!

– Лезу…

– Есть! – Грач вогнал подложку в щель и выдернул руку. – Есть железо, села на железо!

– Тяни.

Костоправ и ещё двое взяли Версту под мышки, вытянули одним движением, волоком по щебню, – и в тот же миг крик оборвался: он потерял сознание.

Стало очень тихо. Только кто-то сзади, невидимый за спинами, всё повторял: «Ну что, ну что», – его никто не затыкал.

Костоправ разрезал на раненом штанину ножом от щиколотки до колена, ведя лезвием по шву. Ссадины промыл водой из фляги; кожу содрало по всей голени, до мяса, но крови вышло мало – снаружи почти ничего. Он положил обе ладони плашмя, выше и ниже, свёл их осторожно, на палец.

Под ладонями пошло: мягко, сразу в нескольких местах, как ходит мешок с битым камнем. Лицо Костоправа не изменилось. Он только перестал давить, убрал руки. Стоявший ближе всех отвернулся, отошёл к борту, там сплюнул.

Верста очнулся от воды, плеснувшей ему в лицо, первым делом попробовал сесть. Костоправ обтёр руки о штанину, обхватил его стопу, щипнул за подъём, коротко, ногтями.

– Чувствуешь?

– Ай! – Верста дёрнулся всем телом и снова стал белым. – Чувствую. Больно!

– Хорошо, – ответил Костоправ. Поднялся, разгибаясь через колено, отошёл к Мраку на два шага, заговорил тихо.

– Голень в крошку. На ладонь, а то и длиннее. Резать нечего, вправлять нечего, зашивать тоже. Уложу в шину и стяну, чтоб концы не ходили на камне, и дам дурману.

– Ходить будет? – спросил караванщик.

Костоправ помолчал.

– Нет.

– Совсем?

– Нога при нём, он её чувствует и шевелить будет. Стоять на ней не станет никогда: там внутри держать нечем. – Он потёр обкусанную губу костяшкой. – Срастётся криво, месяцев через шесть. Тогда, может, и переставится с костылём по ровному полу. По этому камню – нет.

– Был бы стол и три недели?

– Брось, Мрак. Такое и в Вулканисе не лечат. Чудо, что кость не вышла наружу и стопа живая. Версте очень повезло, да простит меня Пустошь.

Он оглянулся на людей, стоявших кругом, добавил громче:

– Он не при смерти. Если не побелеет и жила на стопе будет бить – вытянет. Расходитесь.

Никто не ушёл. Стояли кругом, смотрели, как ему вяжут шину. Дурман был чёрный, тягучий, скатанный шариками в промасленной бумаге; пахло от него горелым цветочным мёдом. Костоправ размял шарик в кружке воды, дал выпить, придерживая затылок.

– Я её чувствую, – пробормотал Верста в небо над собой. – Всю. Пальцы вон. Шевелю. Раз чувствую – целая?

– Целая.

– А чего тогда?

– Раздроблена кость.

Верста долго думал, не сводя глаз с чадящего фитиля.

– Я, значит, теперь сидячий.

– Ты живой. – Костоправ продолжил вязать шину: две плоские дощечки от патронного ящика, черенок от лопаты, обмотанные простынёй, – продевая и подтягивая, туго, аккуратно.

Пятак стоял в трёх шагах, за кругом, с тем самым деревянным башмаком в руке. Он подобрал его с подножки, и с тех пор не выпускал, обхватив обеими ладонями; железная оковка отпечаталась ему в кожу двумя полосами.

И не сказал.

Слов нужно было немного, он их даже сложил, стоя: башмака полагалось два, подбил он один. Но круг был занят: Костоправ говорил над Верстой, люди слушали Костоправа, потом Верста закричал во второй раз, его поили дурманом, вязали шину, – и всякий раз выходило, что говорить надо не сейчас, а через минуту.

Про упоры не вспомнил никто, спроси Пятака кто прямо – он бы ответил.

«Баржу» подняли заново уже по свету. Домкрат ставили на два листа железа, положенных крест-накрест, башмаки под оба передних колеса подбивал сам Жилин, пристукивая каждый обухом и дёргая колесо рукой на пробу.

Пятак шёл за Жилиным следом, считал вслух:

– Один. Два.

Прошёл ещё раз, потрогал оба рукой. Никто не сказал ему ни слова: люди подумали, что механик помогает старпому, и уважительно отвернулись.

Через час Костоправ пришёл и поглядел Версте в лицо. Губы были не белые. Он подержал ему щиколотку двумя пальцами, посчитал, потрогал ногу над шиной и под ней. Ушёл молча.

Когда окончательно рассвело, Верста позвал Мрака. Голоса на это ушло немного: он поймал за штанину проходившего мимо обозного, мотнул подбородком вдоль борта, и обозный сходил.

– Начальник. Слышь. – Голос плавал от дурмана, но говорил он ясно. – Кормовая на «Барже». Плевалка. Она ж легко бьёт?

Караванщик присел рядом на корточки, придержав рукой свою больную ногу, пригнулся к нему.

– Ну бьёт.

– Меня туда посадите. Стрелять я могу. – Он помолчал, собирая слова. – Самому не влезть, поднимете. И ногу подложите чем-нибудь и увяжите, чтоб не моталась на ходу.

– На кой?

Верста отвёл глаза туда, где над щебнем уже стояло низкое белое солнце.

– В кузове лежать не буду. Мысли гадкие всё лезут, что я обуза. Лучше тут оставьте тогда.

Мраку стало муторно. Он посидел ещё секунду, глядя на увязанную ногу, на две дощечки и черенок под серой простынёй.

– С лекарем погутарю. Лежи пока.

Костоправ слышал всё это, стоя в двух шагах, и, когда караванщик пошёл мимо, двинулся рядом.

– Если решишь – вязать насмерть. И грудью тоже, чтоб не ездил по железу.

– Дурман. Он за стволом уснёт.

– Дурман на ночь. Днём пусть терпит.

– Он весь день будет терпеть.

– Будет, – согласился Костоправ, не оборачиваясь. – Ты ему другое предложи, если есть.

– Ладно, раз так. Пойду Вектора обрадую.

Малую кормовую турель на «Барже» Грач когда-то окрестил Плевалкой: она стояла на низком погоне над задним бортом, била вслед, по тем, кто увязался, а стреляли из неё сидя, на железном стульчике.

Версту подняли туда вчетвером, на брезенте. Он был тяжелее, чем казался; на середине подъёма его повело, он схватился за чужое плечо и придушенно взвыл сквозь зубы, но до стульчика дотерпел. Ногу уложили на снятый ящик из-под лент, притянули к нему ремнями в двух местах, грудь пропустили через станину, стянули так, что он мог только повернуть голову.

– Как? – спросили снизу.

– Нормально, – кривясь ответил Верста.

Колонна снялась, когда с колесом кончили. Пустошь лежала такая же, какой была вчера и позавчера. Солнце поднялось быстро. Дальше оно никуда не шло, просто давило сверху – на крышу, плечи, на темя сквозь платок, – и к девяти за броню «Шершня» нельзя было взяться голой рукой.

Первые ошибки были смешные. Воду теперь таскали двое из обозной смены вместо одного Версты. Фляги в головную машину они разнесли дважды: один принёс, поставил, ушёл; через пять минут второй принёс те же фляги в тот же кузов, удивился, что там уже стоят, – а крайняя машина осталась без воды вовсе и хватилась через час.

– Слышь, ключ на двадцать два у тебя?

– Что?

– Ключ на двадцать два.

– А. Нет. – Пауза. – Что нет?

– Ключ.

– Не брал я.

Над этим ещё смеялись – вяло, одними выдохами, но смеялись.

Анесса провалилась в первый раз около десяти. Руки на рычагах остались одни, повели сами, по-своему, и «Шершень» пошёл влево, на плечо промоины; передний каток ушёл с камня в мягкое, машину клюнуло, от этого качка Анессу выбросило обратно. Она рванула рычаг, вытянула, выровняла – и только потом до неё дошло, что несколько секунд она спала.

Мрак не пошевелился на своём месте. Он смотрел вперёд, по нему нельзя было прочитать ничего; только правая рука у него всё время что-то держала – ремень карабина, лямку сумки, край сиденья, – и, когда пальцы начинали съезжать, он перехватывался, не глядя.

– Сменим.

– Сейчас?

– На стоянке.

– Хорошо.

Через минуту она забыла об этом начисто. На стоянке её никто не подменил: не напомнили ни он, ни она.

К полудню за спиной у неё шли отдельные машины, случайно двигающиеся в одну сторону. Интервалы плыли: то восемь корпусов, то два. Пыль за передними рвалась пыжами, и следующий шёл в этой пыли вслепую, по памяти о том, где был борт минуту назад. Жилин решил пересчитать машины. Досчитал до семи, отвлёкся на что-то за бортом, начал сначала. Досчитал до шести. Вытер лицо, закрыв глаза.

Смеяться перестали на воде. На коротком привале хватились бака головного грузовика: пробка стояла неплотно, из-под неё выхлёстывало. Сколько ушло, никто не считал: просто сухая тёмная полоса вдоль борта, уже выгоревшая по краям, и мокрое пятно на щебне под колесом, размером с ладонь.

Никто ничего не сказал. Старшие разошлись по машинам; в колонне стало тихо: люди отвечали, когда спрашивали, и не начинали разговор сами.

Жилин прошёл вдоль колонны. Не говорил – лаял: по машинам, старшие ко мне, кто спит за рулём – в кузов, на ход. На такой лай ещё вставали.

Тогда же Жилин поднялся на подножку «Шершня», заговорил в прорезь, не залезая внутрь; мерную палку он так и держал в руке, а лицо было в серых потёках.

– Треть рейда пусть спит. На ходу, в кузовах, вповалку, по очереди. Смена через два часа.

– Дозорные?

– Дозорных, водителей, всех меняем. Там не все толковые, но мы посыпались уже, я вижу.

– Ставь, – сказал Мрак.

Их разложили по кузовам, как груз, вдоль бортов. Первый час никто не мог улечься по-человечески: спать среди бела дня, при деле, было совестно. Лежали на локте, вполглаза, поворачиваясь на каждый чужой шаг по борту. К третьему часу в кузовах стоял храп.

Тварь вышла на колонну из промоины по левому борту. Она лежала там с ночи или с утра – одиночная гончая, длинная, сухая, серо-бурая под цвет щебня.

Кожух смотрел прямо на неё. Он сидел на крыше водовозного грузовика лицом влево, в свой сектор, вёл глазами по горизонту; гончая поднялась над кромкой промоины, пошла у него на виду. Он смотрел на неё две секунды. Повёл глазами дальше, вправо, по сектору, и ничего не сказал.

Вектор сидел за «Стервой» на «Барже», шедшей следом. Он увидел, как над промоиной поднялся и завис серый клок пыли: ветер шёл вдоль хода, пыль должна была лечь назад, и она не легла. Погон он развернул раньше, чем понял, на что смотрит.

Гончую свернуло на полном ходу и бросило на камень боком, щебень из-под неё брызнул веером. Колонна прошла мимо в двадцати шагах: люди повернули головы, поглядели и отвернулись. Никто не остановился.

Кожух втянул голову в плечи от грохота, ударившего сзади поверх кабины, обернулся, увидел тушу и долго на неё смотрел.

– Я туда смотрел, – выдавил он вниз, в открытый люк. – Я прямо туда и смотрел.

Снизу ему не ответили. Кожух подождал, повернул лицо обратно в сектор и повёл глазами по горизонту слева направо.

В колонне начали друг друга перепроверять. Дозорный на головной стал раз в минуту оглядываться на соседний борт: видит ли тот. Подающий воду теперь дожидался, пока флягу возьмут в руки, и только потом уходил. Работа от этого замедлилась вдвое.

На последней короткой стоянке к Мраку подошёл Луис – с той самой книжечкой, с которой не расставался всю дорогу.

– Я говорил с Кожухом, – начал он вежливо. – Он не выгораживается и не врёт. Две секунды смотрел и не увидел. Это не халатность, командир.

– Устали мы. – Мрак стёр с шеи серую грязь ребром ладони. Останавливаться он не мог.

– Я про другое. – Луис раскрыл книжечку, посмотрел в неё и закрыл, не прочитав. – Жилин уложил треть людей спать, и это купило нам сегодняшний день. Завтра тем же приёмом мы столько уже не купим. Спать в кузове на этом камне – это так, припарка.

Караванщик поглядел на стоянку. Люди сидели в тени бортов, опустив руки между колен.

– Что предлагаешь?

Учёный подумал дольше, чем обычно, – заложил книжечку пальцем и убрал её под плащ.

– Дойти сегодня.

Мрак посмотрел Луису в глаза, долго и прямо. Ноктир знал, отчего караванщик гонит, и взор не отвёл.

Холмы начались через час. Равнина поднялась пологими складками, те росли, между ними легли тени – первые тени за три дня. Дорога потянулась низом, по промежуткам; с обеих сторон над колонной встали откосы, засыпанные битым камнем. В тени было прохладнее градусов на пять, и борт переставал жечь сквозь рукав.

– Тень, – выдохнули в общий канал. Это было первое слово в эфире за два часа. – Мужики, тень.

– Хорошо!

– Ты её не жри разом, – посоветовал кто-то из обоза. – Растяни.

В кузовах подняли головы, кто-то стянул с лица тряпку, подставил щёку сквозняку, шедшему поверх борта. Анесса смотрела на откосы и не радовалась: этих холмов она не помнила.

Несколько недель назад они выбирались из Депо втроём на одной машине, на остатке топлива, и полдороги вела она. Всё, что было по дороге, легло ей в голову намертво. Каждый камень тогда был вопросом жизни: щебёнка, плита, промоина, снова плита, ровное до самого горизонта.

Ни одной складки. Ни одной тени. Она бы такое запомнила – они ни разу не заехали в тень; она помнила это отдельно: тогда об этом мечтала. Если здесь стоят холмы, значит здесь не то место, где они шли тогда, – разница не в километре и не в двух.

Сказать – значит вслух объявить всем. После воды, Версты, того малого, позывной которого никак не могла вспомнить. Люди и так перепроверяют друг за другом каждую флягу. Не сказать – значит везти их дальше по цифрам, в которые она сама не верит.

Она открыла рот два раза и оба раза не начала. На третий выбрала середину: наклонилась к Мраку, близко, к самому уху, сказала тихо, под мотор, так, чтобы не достало ни до Грача на датчиках, ни до Луиса за спиной.

– Я не помню этих холмов.

Мрак не повернул головы, только пальцы на ремне карабина перехватились.

– Я тоже не припоминаю.

– Ага. Мы шли по ровному.

Он молчал секунд десять, глядя вперёд, на затылок идущей впереди машины.

– Кому ещё сказала?

– Никому.

– Пока не говори. Считай дальше как считала. Дойдём до места – разберёмся.

– А если места нет?

– Тогда там и разберёмся. Не здесь.

Она кивнула, выпрямилась, стала смотреть в прорезь.

Первым увидел Вектор – он сидел выше всех, держал глазами откосы. На склоне, шагах в сорока, между камней торчало серое: низкое, с колено, сбитое в ком. «Баржа» поравнялась с ним, и оно повернулось следом, всем комом сразу, с места не сойдя. По бронелисту у плеча стрелка щёлкнуло сухо и коротко, как камешком из-под колеса. Он дожал тугой погон и дал по откосу – тот встал пылью.

– Правый борт! – Бригитта в общий канал. – Сорок шагов, по камням.

– Кто?

– Мелочь. Серая, с колено.

– А как она вас?

– Чем-то выстрелила, соль ей в глотку.

Эфир помолчал, потрескивая пустотой; далеко на канале кто-то дышал в тангенту.

– Чем стреляла-то?

– Колючкой, – отозвался водовозный. – У меня в двери торчит. Давно торчит, я думал, камнем закинуло.

– И молчал? Осечка ты песчаная!

– А чего говорить? Камень и камень.

– Стреляющие попадались. – Самоха не поднимал голоса. – Двадцать лет хожу, раза три видал. Не такие.

– Чем не такие?

Самоха ответил не сразу.

– Те бросались.

Колючка была с палец, серая, с мягким утолщением у основания; оно мялось хрящом, пачкало руки пылью. Броню не брала совсем: цокала и падала под колёса. Зато находила всё, что бронёй не было: входила в плечо, в бедро, в ладонь легко, как в тесто.

Самоху, целого, стащили вниз и накрыли, чем попалось, а вот бить по тварям из «Стервы» оказалось делом пустым. Тварь сидела за камнем, показывалась на секунду и уходила; крупный ствол разносил ей укрытие, поднимал полсклона пылью, жрал ленту – а из пыли она выходила шагах в тридцати дальше и садилась снова.

– «Стерву» придержать, – приказал Мрак в канал. – Бить только наверняка. Ленту сожжём – нечем будет отбиваться от того, что покрупнее. Гранатомёты доставайте.

Их было три на всю колонну, тяжёлые, короткие, с раструбом; стреляли из них редко и берегли выстрелы пуще воды. Расчёты вылезли к бортам, встали на колено, положили по гребням три подряд; отдача бросала стрелков назад, на руки тех, кто держал их за плечи. Сработало сразу. Гребень встал стеной пыли и камня, откос сползал, серое посыпалось с него в обе стороны, уходя за складку; там, где легла граната, минут пять никто не показывался.

В эфире загалдели, кто-то засмеялся впервые за день. Хватило этого на четверть часа. Серые вернулись на следующий гребень, дальше по ходу колонны, и сели там так же, поодиночке, через сотню шагов. Ещё три выстрела ушли на них, и всё повторилось: пыль, обвал, тишина на десять минут, снова серое на новом склоне.

– Двенадцать осталось, – доложил Жилин про выстрелы. – Командир, они у нас на весь остаток пути.

– Понял. Отставить гранатомёты. Работаем стрелковым, по возможности.

Дальше было хуже: твари распробовали колонну. Луис, перегнувшись между сиденьями, сказал об этом комнатным голосом:

– Они не соображают, командир. Они охотятся. Сперва они били во всё подряд, потому что не знали, что тут съедобно, а что нет. Сейчас знают: железо им ни к чему, мягкое внутри.

– Это одно и то же, – буркнул Мрак.

– Не одно. Соображать они не начали, они пробуют. Так пробует любая стая: идёт рядом, щупает то одну, то другую, смотрит, кто отстанет.

– По стоячим бьют, – сказал в эфир Костоправ. – Ко мне пришло с десяток, и все десять стояли. Лежачего ни одного.

– Значит, лежи и не вставай, – хмыкнул Жилин.

– Так они и ждут, пока лежачий поднимется.

– Резину пробили! – крикнули к середине часа. – Водовоз на ободе.

– Дотянешь до складки?

– Дотяну, вот ведь сушь!

А ещё через полчаса, из головной, без всякого выражения:

– У меня водителю лоб раскроило. Через прорезь вошла.

– Идёшь?

– Кровь в глаз льёт, но дотянем.

Машина черкнула бортом об откос, и скрежет достал до хвоста колонны, до последнего кузова.

– Заноза, – бросил кто-то, выдрав колючку из плеча. Коротко и зло.

– Чего?

– Заноза, говорю. Как есть заноза.

Прилипло сразу, за полчаса; дальше их звали только так – и в рации, и между собой. Дозорных согнали с крыш в люки: сектор оттуда хуже, зато человек не сидит на железе мишенью, притянутый ремнём к дуге.

Спать стало нельзя. Когда с откоса начинали бить часто, по колонне шла тревога, и спящая треть поднималась к бортам. Ложились обратно, через двадцать минут вставали снова.

– Лежать! – орал Жилин в рацию. – Не подниматься!

– Начальник, – отозвался кто-то тускло, – у меня заноза в брезенте торчит. Прям над головой.

– В брезенте, а не в тебе. Спи.

– Куда там. Пятая уже.

Колонна шла так час и другой – шаг от осыпи, шаг обратно под откос, стволы вправо-влево по гребням, – и выход из холмов уже угадывался впереди, светлым разрывом между двумя склонами, когда у одной из машин взорвался мотор.

Глава 6
Ноль

Стрелка стояла в красном последние сорок минут. Водитель разведывательного броневика смотрел на неё раз в минуту, честно, как смотрел на дорогу, на откосы, на борт идущей впереди машины. Стрелка входила в глаз и выпадала обратно, не задев ничего. В голове у него давно лежала плотная серая вата.

Заноза цокнула по броне у самого его виска. Он моргнул, поймал ушедший на ладонь руль и повёл машину дальше.

Взяло на подъёме, когда мотор в носу дошёл до разрыва. Сначала лопнула камера. Пироцелиевая смесь, сжатая и раскалённая, вышла из неё вся, ударила в кожух; клапан сброса открылся, как ему и полагалось, – только сбрасывать было уже нечего и некуда, за долю секунды в кожухе оказалось больше, чем он держал. Нос броневика вспух. Крышку моторного отсека сорвало с петель, подняло выше откоса, она провернулась в воздухе плашмя и ушла за гребень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.